

GISAP: PHILOLOGICAL SCIENCES

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

№ 13 Liberal* | May 2017

Expert board:

Marianna Balasanyan (Georgia), Marina Zheltukhina (Russia), Alexandra Zalevskaya (Russia), Daniela Grava (Italy), Elena Kosykh (Russia), Galina Kontsevaya (Belarus), Maria Shemyakina (Russia), Mehmed Jemal (Turkey), Tetyana Kovalevskaya (Ukraine), Yuliana Pykhtina (Russia), Zamira Derbisheva (Kyrgyzstan)

GISAP: Philological Sciences №13 Liberal* (May 2017)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov
Copyright © 2017 IASHE

ISSN 2053-1532
ISSN 2053-1540 (Online)

Design: Alexander Stadnichenko, Anastasia Onyskiv, Inna Shekina, Yury Skoblikov

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, London, N21 3NA, United Kingdom
Phone: +442071939499, e-mail: office@gisap.eu, web: <http://gisap.eu>

! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article

Print journal circulation: 1000

“*Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of the development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”

CONTENTS

I.K. Kobyakova, E.L. Ovsianko , <i>Sumy State University, Ukraine</i> SYNERGETIC ASPECT OF THE RESEARCH OF THE MODIFIED ENGLISH PROVERBS.....	3
E.A. Kosykh, E.A. Atyunina , <i>Altai State Pedagogical University, Russia</i> TRANSFORMATION OF RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE BILINGUAL'S SPEECH.....	7
M.A. Lenko , <i>Ivan Franko National University of Lviv, Ukraine</i> INFLUENCE OF RELIGION ON FORMATION OF THE SPOKEN SPANISH LANGUAGE.....	11
D. Hamze , <i>Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Bulgaria</i> THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL INNOVATIONS IN THE GENESIS OF GROTESQUE (ON THE MATERIALS OF WORKS BY WITOLD GOMBROWICZ).....	14
M.A. Balasanyan , <i>Samtskhe-Javakheti State University, Georgia</i> RUSSIAN SPEECH ETIQUETTE IN THE STYLISTIC ASPECT.....	20
N. Khinchagashvili , <i>Gori State University, Georgia</i> SHARING METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT AN ELEMENTARY LEVEL.....	23
N.Sh. Khinchagashvili , <i>Gori State University, Georgia</i> FORM OF A PRACTICAL CLASS ON THE SUBJECT «EAST IN LIFE AND CREATIVITY OF A.I. KUPRIN».....	26
O.A. Zhulavska, M. Vetoshkina , <i>Sumy State University, Ukraine</i> PECULIARITIES OF THE BRITISH NEWSPAPER DISCOURSE (BASED ON THE MATERIALS OF 2015).....	28
V. Ageeva, Ju. Bondur , <i>Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy, Ukraine</i> PRINCIPLES AND METHODS OF ANALYSIS OF LINGUO-CULTURAL ARCHETYPES AND STEREOTYPES IN MODERN COMPARATIVISTICS.....	32

CONTENTS

Кобякова И.К., Овсянко Е.Л., <i>Сумский государственный университет, Украина</i> СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ МОДИФИЦИРОВАННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОСЛОВИЦ.....	3
Косых Е.А., Атюнина Е.А., <i>Алтайский государственный педагогический университет, Россия</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕЧИ БИЛИНГВА.....	7
Ленько М.А., <i>Львовский национальный университет им. И. Франко, Украина</i> ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИСПАНСКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА.....	11
Хамзе Д. Г., <i>Пловдивски университет Паисий Хилендарски, Болгария</i> РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В ГРОТЕСКОГЕНЕЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ВИТОЛЬДА ГОМБРОВИЧА)	14
Баласанян М.А., <i>Самцхе-Джавахетский государственный университет, Грузия</i> РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	20
N. Khinchagashvili, <i>Gori State University, Georgia</i> SHARING METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT AN ELEMENTARY LEVEL.....	23
Хинчагашвили Н.Ш., <i>Горийский государственный университет, Грузия</i> ФОРМА ПРАКТИЧЕСКОГО ЗАНЯТИЯ НА ТЕМУ «ВОСТОК В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.И. КУПРИНА».....	26
O.A. Zhulavska, M. Vetoshkina, <i>Sumy State University, Ukraine</i> PECULIARITIES OF THE BRITISH NEWSPAPER DISCOURSE (BASED ON THE MATERIALS OF 2015).....	28
V. Ageeva, Ju. Bondur, <i>Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy, Ukraine</i> PRINCIPLES AND METHODS OF ANALYSIS OF LINGUO-CULTURAL ARCHETYPES AND STEREOTYPES IN MODERN COMPARATIVISTICS.....	32

SYNERGETIC ASPECT OF THE
RESEARCH
OF THE MODIFIED ENGLISH PROVERBS

I.K. Kobyakova, Candidate of Philology, Full Professor
E.L. Ovsianko, Postgraduate student
Sumy State University, Ukraine

The authors investigate the synergetic aspect of the English proverbs, their evolution, involution, and structural-semantic modifications. The attention is paid to the basic notions of synergetics – attractor, repeller, modifications of superficial and underlying structures of texts under study. Polar dichotomies Good::Evil, and their deviations are analyzed. Prospects of further scientific search assume the investigation of English proverbs in heterogeneous discourses.

Keywords: English proverbs, modifications, synergetics, attractor, repeller.

Conference participants,
National championship in scientific analytics

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
МОДИФИЦИРОВАННЫХ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОСЛОВИЦ

Кобякова И.К., канд. филол. наук, проф.
Овсянко Е.Л., аспирант
Сумский государственный университет, Украина

В статье рассматривается синергетический аспект англоязычных пословиц, их эволюция, инволюция и структурно-семантические модификации. Фокусируется внимание на основных понятиях синергетики – аттракторе, репеллере, изменении поверхностных и глубинных структур исследуемых текстов. Анализируется диада тематических блоков Добро::Зло, их девиации. Перспектива дальнейшего научного поиска заключается в исследовании англоязычных пословиц в гетерогенных дискурсах.

Ключевые слова: англоязычные пословицы, модификации, синергетика, аттрактор, репеллер

Участники конференции,
Национального первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i13.1595>

Отличительной особенностью нынешнего развития лингвистики является междисциплинарность как стремление к интеграции опыта ученых разных направлений, расширения понятийного аппарата, изучение старых проблем в новом ракурсе, результатом чего стало возникновение и дальнейшее стремительное развитие так называемых междисциплинарных наук: социолингвистики, лингвокультурологии, лингвосинергетики и т.д.

Термин «синергетика» использовался для исследования самоорганизации физико-химических явлений [11], однако впоследствии терминологическую базу синергетики как науки начали перебирать на себя и другие научные отрасли, в частности лингвистика [1; 4; 7; 9].

Синергетический подход верифицируется наличием релевантного материала, энергией и информацией. Концепция синергетического анализа разрабатывается отечественными учеными Л.С. Пихтовниковой, С.М. Еникеевой, Т.И. Домброван, А.Н. Приходько, которые анализируют проблемы текстовой самоорганизации и эволюции (Л.С. Пихтовникова), синергетики словообразования (С.М. Еникеева), диахронической лингвосинергетики (Т.И. Домброван), самоорганизации концептосфер (А.Н. Приходько).

Синергетика предполагает поиск универсальных принципов самоорганизации и эволюции сложных систем различной природы, объясняет целесообразность существования асистемных явлений, дает возможность прогнозировать перспективы дальнейшего развития систем. Основными понятиями и идеями синергетики являются открытость системы, нелинейность, локализация, неравновесность, конструктивный хаос, точки буфиркации, структура-аттрактор [5, с. 164].

Синергетика исходит из того, что объект исследования является системным. Системным объектом, прежде всего, является речь, состоящая из инвариантных единиц (фонем, морфем, лексем, предложений) с их специфическими связями (синтагматические, парадигматические, эпидигматические) и функциями (номинативная, коммуникативная, конструктивная, когнитивная, эмоционально-экспрессивная, фатическая, идеологическая, денотативная, коннотативная, эстетическая, аксиологическая, референтная).

В центре внимания синергетики находятся сложные открытые динамические системы, предметом исследования являются закономерности возникновения, самоорганизации и функционирования этих систем в режимах «с обострением» [2, с. 80]. Ученые

фокусируют внимание на основных положениях, базовых понятиях синергетики и ее инструментарии. **Объектом** нашего исследования являются пословицы англоязычного дискурса, а **предметом** – их онтологически-гносеологическая сущность, состояние, развитие, эволюция, инволюция.

Система, которая самоорганизуется (дискурс, жанр, текст), состоит, как минимум, из двух иерархических подсистем, способных моделировать состояние друг друга, а также состояние ее системного окружения. Как пример таких подсистем в процессе создания дискурса можно назвать, с одной стороны, систему аттракторов (цели дискурса, что «притягивают» и направляют процессы организации и отбора в системе – «интенции коммуникантов, автора текста, экстралингвистические и лингвистические условия и др.» [8, с. 14] и репеллеров (элементы, отталкивающие при отборе и организации все, что не укладывается в нормы – традиции, языковые конвенции и т.д. [8, с. 14]. С другой стороны – это автор, который является одновременно и творческим конструктором дискурса, и «орудием» аттракторов и репеллеров, которые возникли до него и независимо от него [10, с. 35].

Информативно-когнитивный аспект пословиц заключается в процессах, которые самоорганизуются

Табл. 1.

Синергетическая сукцессивность динамических процессов пословиц

Аттрактор 1	Репеллер 2	Механизм модификации 3
<i>Don't make a mountain out of a molehill</i>	<i>You don't make mountains out of molehills, you make lemonade out of lemons</i> [13]	Расширение ситуативного блока; употребление сравнения
<i>Absence makes the heart grow fonder</i>	<i>Absence – and distance – very definitely make the heart grow fonder</i> [21]	Употребление эмоционально-окрашенного компонента «distance»
<i>Where there's a will, there's a way to a sequel</i>	<i>Where there's a Will Smith there's a way to a sequel</i> [19]	Расширение ситуативного блока
<i>Ashes to ashes dust to dust</i>	<i>Ashes to Ashes – but not dust to dust</i> [17]	Конкретизация ситуации с помощью антонимического компонента

(C_1) и саморегулируются (C_2), препарируется корпусом аттракторов и репеллеров.

Пословица – это незамкнутая система, ее динамика, подвижность, что объективируется модификациями их поверхностных и глубинных структур. Например:

Good men are hard to find → Good friends are hard to find – and even harder to keep [20]; *Between two evils it is not worth choosing → While we want the withdrawal of one enemy, we don't believe it is a matter of choosing between two evils* [18];

Appearances are deceptive → Appearances are deceptive – the changing face of the monarchy [12].

Подвижность, изменчивость исследуемого объекта проявляется в феномене синкретичности. Каждое слово в пословицах предполагает наличие последующего слова и является откликом на другое (феномен диссипативности).

Неустойчивость свидетельствует о состоянии далеко от равновесия, развития, эволюции, модификации. Отклонения, разветвления накапливаются в точках бифуркации, что обеспечивает переход к новому равновесию (см. табл. 1).

Эволюция устойчивого состояния пословиц отличается дискретностью, размеренностью и имеет уникальный набор параметров и значений. Как и другим семиотическим знакам, пословицам свойственны семантика, прагматика и композиционные признаки. Канонизированные пословицы регистрируются в памяти, лексикографических источниках. Они (пословицы) имеют свою форму и наполнение, соответствуют некоторым аттракто-

рам текста. Аттрактор «притягивает» С-систему к устойчивому положению, содержит в себе какой-то телеологический потенциал. «Аттрактор» противостоит понятию «репеллер» – набор параметров, их значений, которые выводят С-систему из положения равновесия, в том смысле, что он вводит различные ограничения на свободу стремления С-системы к цели, к равновесию [7, с. 16].

Расширение компонентного состава пословиц объективируется интенсификацией образного, эмоционального и оценочного компонентов значения и приспособление к определенной речевой ситуации, что наполняет пословицу прагматичным содержанием. Например:

Better the Devil you know than the Devil you don't → Better the Devil You Don't Know? [14];

What is worth doing at all is worth doing well → If it's worth cooking well, it's worth cooking slowly [16];

A picture is worth a thousand words – Statistics: why a picture is worth a thousand words [15];

A sound mind in a sound body → To sound mind in a sound body physical exercise is necessary [22].

В референтной области исследования фокусируем внимание на диалекте Добро:Зло, ее формальных и семантических девиациях, изменении глобальной структуры аттракторов на просторах репеллеров. Нарушаются малоисследованные наставления добра, с одной стороны, и предотвращения зла, с другой. Например: *A good heart cannot lie; The best is the enemy of good; One scabbed sheep will mar a whole flock; We cannot do evil to others without doing it to ourselves;*

Kindness does more than violence; A good word costs no more than a bad one [3, с. 87-91].

Современное изучение англоязычных пословиц находится в состоянии постоянного пополнения и изменения, что доказывает открытость, неравновесность С-системы, динамизм, гибкость структуры и семантики. Все это фасилитирует решения потребностей коммуникативной ситуации, создает гетерогенные коннотации, детализируется и уточняется с учетом конкретных параметров общения. Исследование эмпирического материала заключается в осмыслении эпидигматической потенции пословиц англоязычного дискурса, их состояния, развития, модификации.

Перспективным считаем исследование англоязычных пословиц в гетерогенных дискурсах.

References:

1. Arshinov V.I. Sinergeticheskoe dvizhenie v jazyke. [Synergetic movement in the language], V.I. Arshinov, Ja.I. Svirskij., Samorganizacija i nauka: opyt filosofskogo osmyslenija [Self-organization and science: the experience of philosophical reflection]. – Moskva, 1994., pp. 33-48.
2. Dombrovan T.I. Aplikativnij potencial sinergetichnoï paradigmi v lingvistici [Applicative potential of synergetic paradigm in linguistics], T.I. Dombrovan., Studia Philologica (Filologichni studii): zb. nauk. prac', red. kolegija: I.R. Bunijatova, L.I. Belchova, O.E. Bondareva [ta in.]. – Kiev., Kiïv. un-t im. B. Grinchenka [Borys Grinchenko Kyiv University], 2012., Issue. 1., pp. 79-84.

3. Dubenko O.Ju. Anglo-amerikans'ki prisliv'ja ta prikazki: posibnik dlja studentiv ta vkladachiv vishnih navchal'nih zakladiv [English-American sayings: a guide for students and lecturers of universities]., O.Ju. Dubenko. – Vinnicja., Nova kniga, 2004. – 416 p.

4. Ejger G.V. Jazyk i sinergetika [Language and synergetics]., G.V. Ejger., Visnik Harkivs'kogo universitetu. – 1992., Issue 372., pp. 131-137.

5. Enikeeva S.M. Sistemnist' i rozvitok slovotvoru suchasnoi anglijs'koj movi: monografija [Systemacy and development of derivation in Modern English: Monograph]., S.M. Enikeeva. – Zaporizhzhja., Zaporiz'kij nacional'nij universitet, 2006. – 303 p.

6. Piotrovskij R.G. O lingvisticheskij sinergetike [On linguistic synergetics]., R.G. Piotrovskij., Nauchno-tehnicheskaja informacija. Issue 2. – 1996., No. 12., pp. 1-12.

7. Pihtovnikova L.S. Lingvo-sinergetika: osnovy i ocherk napravlennij: monografija [Linguo-synergetics: the fundamentals and the outline of directions: Monograph]., L.S. Pihtovnikova. – Harkiv., HNU imeni V.N. Karazina [The Vasyl Karazin Kharkiv National University]., 2012. – 180 p.

8. Pihtovnikova L.S. Pragmalingvistika i lingvopoetika malih form ta sinergetika diskursu (odin iz naprjamkiv Hakivs'koj lingvistichnoj shkoli, germans'ki movi) [Pragmalinguistics and linguo-poetics of small forms and the synergetics of the discourse (one of the fields of Kharkiv linguistic school, Germanic languages)]., L.S. Pihtovnikova., Aktual'ni problemi filologii: movoznavstvo, perekladoznavstvo, metodika vikla-dannja filologichnih disciplin: I mizhvuz. nauk. konf., 28-29 travnja 2010 r.: tezi dop. [Actual problems of philology: linguistics, translation studies, methods of teaching philological disciplines: I interuniversity scientific conference, May 28-29, 2010: abstracts of papers] – Mariupol', PDTU, 2010., pp. 14-18.

9. Pihtovnikova L.S. Sinergija stilju bajki: nimec'ka virshovana bajka 13-20 st.: monografija [Synergy of the style of fables: German poetic fables of XIII-XX centuries: Monograph].,

L.S. Pihtovnikova. – Harkiv., Biznes Inform., 1999. – 220 p.

10. Pihtovnikova L.S. Stilistika i sinergetika diskursu [The stylistics and synergetics of a discourse]., L.S. Pihtovnikova., Diskurs jak kognitivno-komunikativnij fenomen: kol. Monografija [Discourse as a cognitive-communicative phenomenon: collective monograph]., za zag. red. I.S. Shevchenko. – Harkov., Konstanta, 2005. – p. 29-35.

11. Haken G. Informacija i samoorganizacija [Information and self-organization]., G. Haken. – Moscow., Mir, 1991. – 240 p.
<https://doi.org/10.1007/978-3-662-07893-8>

12. Appearances are deceptive – the changing face of the monarchy., Access mode: <http://www.theguardian.com/uk-news/2013/jul/24/appearances-changing-face-monarchy>

13. Page of Eva Wiseman., Access mode: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2011/jan/09/this-much-know-jane-fonda>

14. Page of George Loomis., Access mode: http://www.nytimes.com/2010/03/03/arts/03iht-Loomis3.html?_r=0

15. Page of Jane Dudman., Access mode: <http://www.theguardian.com/public-leaders-network/2013/jan/17/datablog-public-bodies-visualisation-statistics>

16. Page of Jay Rayner., Access mode: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2012/nov/18/slow-cooking-jay-rayner>

17. Page of Jonathan Wright., Access mode: <http://www.theguardian.com/culture/tvandradioblog/2009/jun/08/ashes-to-ashes-third-season>

18. Page of Malalai Joya., Rezhim dostupa: <http://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2009/nov/30/obama-afghanistan-troops>

19. Page of Stuart Heritage., Access mode: <http://www.theguardian.com/film/filmblog/2012/jun/14/will-smith-sequel-hancock>

20. Page of Tim Lott., Access mode: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/13/why-cant-be-friends-survey-friendless>

21. Page of Tim Lott., Access mode: <http://www.theguardian.com/>

lifeandstyle/2013/aug/16/extended-family-safety-net-comfort-blanket

22. To sound mind in a sound body physical exercise is necessary., Access mode: <http://www.theguardian.com/notesandqueries/query/0,-204005,00.html>

Литература:

1. Аршинов В.И. Синергетическое движение в языке., В.И. Аршинов, Я.И. Свирский., Саморганізація і наука: опыт философского осмысления. – М., 1994., С. 33-48.

2. Домброван Т.І. Аплікативний потенціал синергетичної парадигми в лінгвістиці., Т.І. Домброван., Studia Philologica (Філологічні студії): зб. наук. праць., ред. колегія: І.Р. Бунітова, Л.І. Белехова, О.С. Бондарева [та ін.]. – К., Київ. ун-т ім. Б. Грінченка, 2012. – Вип. 1., С. 79-84.

3. Дубенко О.Ю. Англо-американські прислів'я та приказки: посібник для студентів та викладачів вищих навчальних закладів., О.Ю. Дубенко. – Вінниця., Нова книга, 2004. – 416 с.

4. Ейгер Г.В. Язык и синергетика., Г.В. Ейгер., Вісник Харківського університету. – 1992., № 372., С. 131-137.

5. Єнікєєва С.М. Системність і розвиток словотвору сучасної англійської мови: монографія., С.М. Єнікєєва. – Запоріжжя., Запорізький національний університет, 2006. – 303 с.

6. Пиотровский Р.Г. О лингвистической синергетике., Р.Г. Пиотровский., Научно-техническая информация. Серия 2. – 1996., № 12., С. 1-12.

7. Пихтовникова Л.С. Лингво-синергетика: основы и очерк направлений: монография., Л.С. Пихтовникова. – Х., ХНУ имени В.Н. Каразина, 2012. – 180 с.

8. Піхтовнікова Л.С. Прагмалінгвістика і лінгвopoетика малих форм та синергетика дискурсу (один із напрямків Хаківської лінгвістичної школи, германські мови)., Л.С. Піхтовнікова., Актуальні проблеми філології: мовознавство, перекладознавство, методика викладання філологічних дисциплін: I міжвуз. наук. конф., 28-29 травня 2010 р.: тези доп. – Маріуполь., ПДТУ, 2010. – С. 14-18.

9. Піхтовнікова Л.С. Синергія стилю байки: німецька віршована байка 13-20 ст.: монографія., Л.С. Піхтовнікова. – Харків., Бізнес Інформ., 1999. – 220 с.

10. Піхтовнікова Л.С. Стилістика і синергетика дискурсу., Л.С. Піхтовнікова., Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен: кол. Монографія., за заг. ред. І.С. Шевченко. – Х.: Константа, 2005. – С. 29-35.

11. Хакен Г. Информация и самоорганизация., Г. Хакен. – М., Мир, 1991. – 240 с. <https://doi.org/10.1007/978-3-662-07893-8>

12. Appearances are deceptive – the changing face of the monarchy [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://www.theguardian.com/uk-news/2013/jul/24/appearances-changing-face-monarchy>

13. Page of Eva Wiseman [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2011/jan/09/this-much-know-jane-fonda>

14. Page of George Loomis [Елек-

тронний ресурс]., Режим доступу: http://www.nytimes.com/2010/03/03/arts/03iht-Loomis3.html?_r=0

15. Page of Jane Dudman [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://www.theguardian.com/public-leaders-network/2013/jan/17/datablog-public-bodies-visualisation-statistics>

16. Page of Jay Rayner [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2012/nov/18/slow-cooking-jay-rayner>

17. Page of Jonathan Wright [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://www.theguardian.com/culture/tvandradioblog/2009/jun/08/ashes-to-ashes-third-season>

18. Page of Malalai Joya [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2009/nov/30/obama-afghanistan-troops>

19. Page of Stuart Heritage [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://www.theguardian.com/film/filmblog/2012/jun/14/will-smith-sequel-hancock>

20. Page of Tim Lott [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/13/why-cant-be-friends-survey-friendless>

21. Page of Tim Lott [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2013/aug/16/extended-family-safety-net-comfort-blanket>

22. To sound mind in a sound body physical exercise is necessary [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://www.theguardian.com/notesandqueries/query/0,-204005,00.html>

Information about authors:

1. Iryna Kobyakova – Candidate of Philology, Full Professor, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: kobyakova@ukr.net

2. Olena Ovsianko – Postgraduate student, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: kobyakova@ukr.net

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONGRESS

**MULTISECTORAL SCIENTIFIC-ANALYTICAL FORUM
FOR PROFESSIONAL SCIENTISTS AND PRACTITIONERS**

MAIN GOALS OF THE IASHE SCIENTIFIC CONGRESSES:

- PROMOTION OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC COMMUNICATIONS AND COOPERATION OF SCIENTISTS OF DIFFERENT COUNTRIES;
- PROMOTION OF SCIENTIFIC PROGRESS THROUGH THE DISCUSSION COMPREHENSION AND COLLATERAL OVERCOMING OF URGENT PROBLEMS OF MODERN SCIENCE BY SCIENTISTS OF DIFFERENT COUNTRIES;
- ACTIVE DISTRIBUTION OF THE ADVANCED IDEAS IN VARIOUS FIELDS OF SCIENCE.

**FOR ADDITIONAL INFORMATION
PLEASE CONTACT US:**
www: <http://gisap.eu>
e-mail: congress@gisap.eu

TRANSFORMATION OF RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE BILINGUAL'S SPEECH

E.A. Kosykh, Candidate of Philology, Associate Professor
E.A. Atyunina, Postgraduate student
Altai State Pedagogical University, Russia

It is acknowledged that the highest level of mastering another language is mastering its phraseology. However, the process of mastering the idiomatic level of a foreign or non-native language is difficult. It assumes overcoming of errors, substitution, and transformation. The presented paper reflects the results of analysis of recorded spontaneous speech of the bilingual (the speaker of Azerbaijani and Russian languages), and identification of several groups of transformations of phraseological units, depending on the nature of errors.

Keywords: ethnic identity, phraseology, bilingual, phraseological unit transformation and its reasons.

Conference participants,
Open European and Asian research analytics championship Conference participants,
National championship in scientific analytics

ТРАНСФОРМАЦИЯ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕЧИ БИЛИНГВА

Косых Е.А., канд. филол. наук, доцент
Атюнина Е.А., аспирант
Алтайский государственный педагогический университет,
Россия

Признаётся, что высшим уровнем освоения другого языка является усвоение фразеологии. Однако процесс усвоения идиоматического уровня иностранного или неродного языка проходит сложно, через преодоление ошибок, субституцию, трансформацию. Представляемая статья отражает результаты анализа записи спонтанной речи билингва (носителя азербайджанского и русского языков) и выделения нескольких групп трансформаций фразеологизмов в зависимости от характера ошибки.

Ключевые слова: самобытность этноса, фразеология, билингв, трансформация фразеологизма и её причины.

Участники конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i13.1603>

Общепризнанно, что фразеологическая система любого языка является исторической памятью народа, отражением ментальности и самобытности этноса, метафорой национальной картины мира, запечатленной в языке и сознании. Именно поэтому овладение идиоматическим уровнем другого (иностранного, неродного) языка считается наиболее сложным и проблематичным.

В современных условиях полилингвальности, способность владения несколькими языками, встаёт острая необходимость изучения фразеологии другого языка хотя бы в минимальном объёме. Учитывая возможность трактовки фразеологии достаточно широко, можно рассматривать фразеологизмы синонимами и синлексам (термин Г.И. Климовской), и клише, и прецедентным высказываниям, и пословицам, и поговоркам, и т.д. Мы в нашей статье будем понимать под фразеологизмами (вообще), идиомами и устойчивыми сочетаниями выражения, разной степени спаянности, устойчивости, но характеризующиеся общей смысловой наполненностью, семантической неделимостью.

Современные реалии функционирования русского языка таковы, что знание фразеологии и носителями языка, и изучающими его как иностранного находится на невысоком уровне. Однако следует признать, что функциональная значимость собственно фразеологизмов в сравнении

с устойчивыми словосочетаниями типа синлексов также заметно снизилась, нередко остаётся в сфере функционирования письменной речи.

Вероятно поэтому, процесс погружения в языковую среду и развитие коммуникативной компетенции не обходится без закономерных ошибок инофона или билингва. И важным признаётся именно период овладения вторым языком, лингвосоциальные условия, в которых формируется и первичная языковая личность, и вторичная. Многие исследователи феномена формирующейся вторичной языковой личности обращают внимание на тот факт, что, нередко овладев вторым языком в совершенстве, в определённых, сложных, проблемных, ситуациях первичная языковая личность доминирует над вторичной. В речи возникают ошибки, трансформация и субституция, обусловленные, вероятно, и влиянием родного языка, и недостаточной сформированностью лингвистической компетенции, связанной с овладением другим языком.

Этот процесс активно реализуется в тех случаях, когда билингвы, вроде бы равноценно владеющие обоими языками, вступают в коммуникацию, используя в речи идиомы различной степени спаянности из второго языка.

Примером могут быть речевые трансформированные устойчивые выражения, зафиксированные в речи носителей азербайджанского языка.

Запись спонтанной речи билингва Шахниси Г., владеющей азербайджанским и русским языками, осуществлялась в период с 2012 по 2015 гг. Поскольку объём статьи не позволяет приводить коммуникативные ситуации в полном объёме, считаем возможным в соответствии с темой статьи представить непосредственно предмет описания – примеры трансформации известных русских фразеологизмов, рассуждая над причинами таких изменений в речи человека, в совершенстве (казалось бы) владеющего русским языком.

Для анализа из 50 было отобрано 25 примеров трансформации частотных в русском языке идиом:

1. У тебя что, язык без костей?
(*Ты что язычную траву съел?*)
2. Соберись с мыслями
(*Ум собери в голову*)
3. Головой думай
(*Голову размещивай*)
4. Поймала на слове
(*Поймала на язык*)
5. Держать в ежовых рукавицах
(*Быть потяжелее*)
6. Руки в ноги и вперёд
(*Бери руки и вперёд*)
7. В 3 погибели
(*В 3 изгубели*)
8. ?
(*Такой умный, что волосы на языке растут*)
9. Пятки сверкают
(*Платить пяточными деньгами*)

10. Слышать краем уха
(*Слышать крайним ухом*)
11. Палка о двух концах
(*Палка с двумя концами*)
12. Вопрос на засыпку
(*Вопрос на зацепку*)
13. Накрыться медным тазом
(*Закрыться медным тазом*)
14. Попасть в поле зрения
(*Попасть в мир зрения*)
15. Щи лаптем хлебать
(*Суп лаптем хлебать*)
17. Чем чёрт не шутит
(*Даже слепой находит зерно*)
18. ?
(*Стекло бьётся легко*)
19. Всё тайное становится явным
(*Ноги короткие, как у обмана*)
20. ?
(*Не хвали весь день до вечера*)
21. Выше головы не прыгнешь
(*Через свою тень не прыгнешь*)
22. Изливать душу
(*Выливать душу*)
23. Бумага всё стерпит
(*Бумага терпеливая*)
24. Утро вечера мудренее
(*Ночью будет верное решение*)
25. Кататься как сыр в масле
(*Жить как червяк в гранате*)
26. Как баран на новые ворота
(*Как свинья перед часами*) и др.

Трансформации фразеологизмов, как видно из примеров, носят различный характер и обусловлены разными причинами. Проводя трансформацию, реципиент прибегает к приёмам субституции, контаминации, апелляции к родному языку, мены на синоним, калькированию или переводу в случае незнания соотносительных идиом.

Изучая проблему трансформации указанных фразеологизмов, пришли к выводу, что причины подобного явления можно соотнести в определённой степени с традиционными ошибками, которые представили группами:

по недослышке

по созвучию

по сужению/расширению семантики

по соотносительности (имеются близкие по значению в родном языке, реципиент апеллирует к ним)

лакунарности (по отсутствию в одном из языков, по мнению реципиента).

К идиомам, трансформированным по недослышке (по признанию испы-

туемого), были отнесены: *вопрос на зацепку, слышать крайним ухом*. Искажение устойчивых выражений произошло из-за неверного восприятия, запоминания компонентов выражения, а затем их заменой на похожее, созвучное слово. Мы понимаем, что выделение причин носит условный характер. При этом и причина может быть не одна, а несколько. Как, например, с фразеологизмом *«палка с двумя концами»*. По мнению билингва, именно так ею был усвоен и этот фразеологизм, эквивалент которого в азербайджанском языке Шахнисе Г. не известен. По нашему мнению, этот трансформат близок и следующей группе идиом.

К группе *по созвучию* мы отнесли фразеологизмы: *закрыться медным тазом, выливать душу, согнуться в три изгиба*. Особенностью этих трансформаций является мена звуко-комплекса, морфемы, обусловленная, по нашему мнению, неверным запоминанием компонентов выражения, а затем их меной на похожее, созвучное слово. Значения этих фразеологизмов реципиент понимает и употребляет правильно, не искажает смысл. Небезынтересно и то, что мена морфем производится на синонимичные (закрыться – накрыться, выливать – изливать, изгибель – погибель). Наблюдается субституция морфем с «устаревшим» значением на современные. Вероятно, более привычные носителю азербайджанского языка.

Следующая группа представлена выражениями, отличающимися заменой компонентов, обусловленной расширением или сужением семантики слова: *попасть в мир зрения, бумага терпеливая, суп лаптем хлебать*. В данном случае произошла субституция компонентов во фразеологизмах: *попасть в поле зрения, бумага всё стерпит, щи лаптем хлебать*. Слово «поле» заменено на слово «мир», с точки зрения билингва, смысл фразы при этом не меняется. Такая мена, вероятно, обусловлена влиянием другого языка. В следующем фразеологизме произошла замена местоимения и глагола («всё стерпит») на прилагательное «терпеливая», смысл фразы также не изменился. То же самое наблюдаем и в третьем фразеологизме: слово

«щи» заменено гиперонимом «суп». В национальной кухне азербайджанцев «щи» называют «суп». Такая замена компонента, по мнению М.И. Дубровина, с минимальной потерей смысла, возможна только во фразеологических сочетаниях и абсолютно невозможна в сращениях [Дубровин, 1979: 4]. Вероятно, такая трансформация обусловлена и социумом, в котором слово суп выступает как более употребительное и распространённое по сравнению с гипонимом «щи».

При этом, как заметил исследователь, замена компонентов во фразеологическом обороте – одна из самых частых ошибок. Компоненты словосочетания меняются на те, которые используются в похожем фразеологизме в родном языке, или же на те, которые инофон или билингв лучше понимает [Дубровин, 1979: 7].

Именно этот факт обусловил и появление двух последних групп трансформатов, которые, к тому же, и более многочисленные. *Соотносительные* фразеологизмы, понимаемые Шахнисой Г. как идиомы, синонимичные азербайджанским, также преобразованы в речи реципиента. При этом процесс в данном случае происходит осознано: совершается процесс поиска близких по значению выражений русского и азербайджанского языков: *поймала на язык, даже слепой находит зерно, ноги короткие, как у обмана, через свою тень не прыгнешь, ночью будет верное решение, жить как червяк в гранате, как свинья перед часами и др.* Воспроизведение этих единиц фразеологии (поговорок) обусловлено именно регулярностью апелляции к ним в семье. Однако перевод на русский язык осуществляется и для поддержания беседы в русскоязычной аудитории, и для успеха в коммуникативной ситуации «дружеская беседа». При этом важно то, что билингв (осознано или нет) чаще выбирает устойчивые выражения первого (родного) языка, потому что сознание предлагает генетически усвоенные, исторически закреплённые в культуре своего народа, отработанные не одним поколением носителей языка.

К лакунарным трансформатам отнесли те единицы, которые, с те-

чением времени, реципиент не смог объяснить, утверждая, что в русском языке нет соответствий: *ты что, язычную траву съел; ум собери в голову, голову разложи, быть потяжелее, платить пяточными деньгами; такой умный, что волосы на языке растут*.

Мы не ставили задачу найти соответствия группе идиом, обусловленных лакунарностью. Мы лишь попытались представить процессы и их результаты реализации фразеологизмов русского языка в речи билингва, владеющего азербайджанским и русским языком одинаково. Почти. И эта небольшая разница выявляется на уровне фразеологии, воспроизведение которой подчёркивает самобытный характер языка и его носителей и сложность в овладении исторической памятью народа, реализованной через языковую картину мира, глубинные смыслы, закреплённые во фразеологии.

Проведённый анализ показал, что в речи билингва могут проявляться ошибки в воспроизведении фразеологизмов нескольких типов:

1. Элидация слов фразеологического оборота (сужение лексического состава устойчивой единицы). Например, «на всякий пожар» вместо «на всякий пожарный случай»; «бери руки и вперёд» вместо «ноги в руки и вперёд».

2. Включение новых слов в устойчивый оборот (расширение лексического состава устойчивой единицы). Например, «чем черт никогда не шутит» вместо «чем черт не шутит».

3. Субституция компонентов фразеологического оборота (полная или частичная). Например, «попасть в мир зренья» (в поле зренья), «бумага терпеливая» (всё терпит), «суп лаптем хлебать» (щи лаптем хлебать), «как на порошковой бочке» (как на пороховой бочке); «палка с двумя концами» (о двух концах).

4. Калькирование идиом и, как результат прямой трактовки устойчивого выражения, создание окказиональных оборотов речи: «ты что, язычную траву съел» вместо «у тебя что, язык без костей?», «ум собери в голову» вместо «соберись с мыслями»; «такой умный, что волосы на

языке растут (?), платить пяточными деньгами (пятки сверкают).

Анализ записей спонтанной речи носителя азербайджанского языка, в совершенстве владеющего русским языком, показал, что при употреблении в речи устойчивых выражений даже у людей с высоким уровнем владения языком закономерны ошибки. Именно поэтому изучение фразеологии и усвоение её представляется проникновением в душу этноса, к его истокам и видению мира, которое является результатом огромной мыслительной деятельности многих поколений этноса или этносов, взаимодействие которых способствует обогащению и языка, и его носителей.

References:

1. Basko, N.V. Frazеologija v ruskoj rechi [Phraseology in the Russian speech]., Slovar'-spravochnik [Dictionary-reference]. – Moskva., Nauka, Flinta, 2007. – 272 p.
2. Basko, N.V. Znakomimsja s russkimi tradicijami i zhizn'ju rossijan [Getting to know the Russian traditions and the life of Russians]. – Moskva., Russkij jazyk [Russian language], 2010. – 228 p.
3. Velieva, N. Azerbajdzhan-anglo-russkij frazeologicheskij slovar' [Azerbaijani-English-Russian phraseological dictionary]. – Baku., 2006. – 863 p.
4. Golovnja A. Trudnosti pri prepodavanii frazeologii studentaminostrancam [Difficulties in teaching phraseology to foreign students]., Access mode: <http://elib.bsu.by/>
5. Gromova L.Ju. K voprosu obuchenija uchashhihsja navykam ponimaniya frazeologicheskix edinic [On the issue of developing the students' skills in understanding phraseological units]., L.Ju. Gromova., Prepodavatel' XXI vek [Teacher of the 21st century]. – Cheboksary., CNS «Interaktiv pljus», 2015. – No. 1. Part 4., pp. 188–191.
6. Dubrovin M.I. Russkie frazeologizmy v kartinkah [Russian phraseological units in pictures]. – Moskva., Russkij jazyk [Russian language], 1979. – 329 p.
7. Zherebilo T.V. Slovar'

lingvističeskix terminov [Dictionary of linguistic terms]. – Nazran', ООО «Piligrim», 2010. – 486 p.

8. Klimovskaja G.I. Substantiv-attributivnaja sinleksika sovremennogo russkogo jazyka: Sistema. Granicy. Funkcionirovanie [Substantive-attributive synlexes of the modern Russian language: System. Limits. Functioning] – Tomsk., Izd-vo Tom. unta [Publishing house of the Tomsk State University], 1978. – 200 p.

9. Magaramova Sh.A. Obuchenie ruskoj frazeologii uchashhihsja-azerbajdzhancev 5–9 klassov v dialektnyh uslovijah Respubliki Dagestan [Teaching the Russian phraseology to the Azerbaijani students of 5-9 grades in dialect conditions of the Republic of Dagestan]. – Diss. ... kand. ped. nauk. – Mahachkala., DSPU, 2011. – 160 p.

10. Novikova A.K. Sopotavitel'noe izučenie frazeologii kak princip nacional'no-orientirovannogo prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo [Comparative study of phraseology as a principle of nationally-oriented teaching of Russian as a foreign language]., A.K. Novikova., Sovremennye issledovanija social'nyh problem [Contemporary studies of social problems]. – 2012., No. 1., pp. 13-35.

11. Shanskij N.M. Frazеologija sovremennogo russkogo jazyka. [Phraseology of the modern Russian language], N.M. Shanskij. – 3-e izd., ispr. i dop.[3rd edition amended and extended]. – Moskva., 1985. – 160 p.

12. Shanskij N.M., Bystrova, E.A. Učebnyj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka dlja nacional'noj shkoly [Educational phraseological dictionary of the Russian language for the national school]. – Leningrad., Prosveshhenie, 1984. – 277 p.

13. Shhukin A.N. Lingvodidaktičeskij jenciklopedičeskij slovar' [Linguo-didactic encyclopaedic dictionary]. – Moskva., Astrel', 2007. – 330 p.

Литература:

1. Баско, Н.В. Фразеология в русской речи. Словарь-справочник. – Москва., Наука, Флинта, 2007. – 272 с.
2. Баско, Н.В. Знакомимся с

русскими традициями и жизнью россиян. – Москва, Русский язык, 2010. – 228 с.

3. Велиева, Н. Азербайджано-англо-русский фразеологический словарь. – Баку, 2006. – 863 с.

4. Головня А. Трудности при преподавании фразеологии студентам-иностранцам., Электронный ресурс. – URL: [http://elib.bsu.by/].

5. Громова Л.Ю. К вопросу обучения учащихся навыкам понимания фразеологических единиц., Л.Ю. Громова., Преподаватель XXI век. – Чебоксары., ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – № 1. Ч. 4., С. 188–191.

6. Дубровин М.И. Русские фразеологизмы в картинках. – Москва, Русский язык, 1979. – 329 с.

7. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – На-

зрань., ООО «Пилигрим», 2010. – 486.

8. Климовская Г.И. Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка : Система. Границы. Функционирование. – Томск., Изд-во Том. ун-та, 1978. – 200 с.

9. Магарамова Ш. А. Обучение русской фразеологии учащихся-азербайджанцев 5–9 классов в диалектных условиях Республики Дагестан. – Дисс. ... канд. пед.наук. – Махачкала: ДГПУ, 2011. – 160 с.

10. Новикова А.К. Сопоставительное изучение фразеологии как принцип национально-ориентированного преподавания русского языка как иностранного., А.К. Новикова., Современные исследования социальных проблем. – 2012., № 1., С. 13–35.

11. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка., Н.М.

Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва., 1985. – 160 с.

12. Шанский Н.М., Быстрова, Е.А. Учебный фразеологический словарь русского языка для национальной школы. – Ленинград., Просвещение, 1984. – 277 с.

13. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. – Москва., Астрель, 2007. – 330 с.

Information about author:

1. Elena Kosykh – Candidate of Philology, Associate Professor, Altai State Pedagogical University; address: Russia, Barnaul city; e-mail: veko@mail.ru

2. Evgeniya Atyunina – Postgraduate student, Altai State Pedagogical University; address: Russia, Barnaul city; e-mail: veko@mail.ru

INTERNATIONAL UNION OF COMMERCE AND INDUSTRY

*Union of commercial enterprises, businessmen, scientists, public figures and politicians from different countries.
The union combines the social and commercial elements of functioning.*

- ▶ Promotion of international consolidation and cooperation of business structures
- ▶ Promotion of development of commercial businesses of various kinds
- ▶ Assistance in settlement of relations between businessmen with each other and with social partners in business environment
- ▶ Assistance in development of optimal industrial, financial, commercial and scientific policies in different countries
- ▶ Promotion of favorable conditions for business in various countries
- ▶ Assistance in every kind of development of all types of commercial, scientific and technical ties of businessmen of different countries with foreign colleagues
- ▶ Promotion of international trade turnover widening
- ▶ Initiation and development of scientific researches, which support the effective development of businesses and satisfy the economic needs of the society
- ▶ Expert evaluation of activities in the field of settlement of commercial disputes, establishment of quality standards and defining of factual qualitative parameters of goods and services
- ▶ Legal and consulting promotion of business
- ▶ Establishment and development of activities of the international commercial arbitration
- ▶ Exhibition activities
- ▶ Holding of business and economic forums

www.iuci.eu

INFLUENCE OF RELIGION ON FORMATION OF THE SPOKEN SPANISH LANGUAGE

M.A. Lenko, Postgraduate student
Ivan Franko National
University of Lviv, Ukraine

The paper is related to influence of the religion on formation of the modern colloquial Spanish. This influence can be traced through proverbs and sayings. The author has considered the historical context during the cohabitation of three world religions: Islam, Christianity and Judaism in Spain.

Keywords: religious phenomenon, the divine, religious terms, religious paremiology, Judaism, Islam, Christianity.

Conference participant,
National championship in scientific analytics

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИСПАНСКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

Ленько М. А., аспирант
Львовский национальный университет им. И. Франко,
Украина

Эта статья посвящена влиянию религии на формирование современного разговорного испанского языка. Он прослеживается через пословицы и поговорки. Рассматривается исторический контекст во время сосуществования трех мировых религий – ислама, христианства и иудаизма в Испании.

Ключевые слова: религиозный феномен, божественное, религиозные термины, религиозная паремия, иудаизм, ислам, христианство.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i13.1596>

Влияние религии очень легко проследить во всех языковых областях Средиземноморского бассейна. Хотя это и происходит в традиционном католическом контексте, можно проследить также и влияние мусульманского мировоззрения, ведь Португалия, Испания, Каталония и Греция пребывали в непосредственном контакте с исламским миром. Именно в исламе идея единого бога всегда была неизменной, в то время как христианство разделилось на несколько ветвей, превознося Марию и святых до уровня Христа Мессии. Особенно в Испании можно легко проследить влияние мусульманства, так как Реконкиста длилась более 700 лет, и присутствие арабов на полуострове не осталось бесследным (Например: *ojalá a, Andar de la Ceca a la Meca*) [3].

Но не только арабы оставили свой след в испанской культуре и языке. Важно отметить также влияние еще одной религии, которая провозглашает Единого Бога – иудаизм. Именно благодаря иудаизму испанский язык так богат на афоризмы и выражения связанные с Ветхим Заветом. Например, *venderse por un plato de lentejas o hacer cábalas*.

Но религиозный феномен всегда был сложным и неоднозначным в стране, которая не испытывает недостатка ни в антисемитских выражений, ни выражений утверждения католицизма в общинах обращенных евреев, чтобы держаться подальше от каких-либо подозрений в инакомыслии.

Следует отметить, что не всегда Бог, Дева Мария или святые используются в качестве хорошего примера или же в хвалебных целях. В испанском языке они очень часто использованы для критики, насмешки, и даже хулы. Испанский народ очень часто использует ненормативную лексику.

Данная статья не является исчерпывающей, но дает более глубокое понимание испанского народа, языка и культуры. В процессе исследования мы выявили влияние религии даже в таких сферах как кондитерские изделия (*piononos, rosquillas de Santa Clara, huesos de santo, yemas de Santa Teresa, bocato di cardinale, Cabello de ángel, tarta de Santiago, etc.*). Еще более необычным было проследить влияние Библии на такое, казалось-бы, нехристианское дело, как бои быков (*verónicas, que Dios reparta suerte, etc.*)

В словах как мощном аккумуляторе культуры в концентрированном виде запечатлен весь культурно-исторический опыт народа. Значения лексических единиц являются своеобразными ключами, которые раскрывают не только специфику и уникальность реальной действительности (природной и созданной искусственно), которая данная определенному этносу в непосредственном восприятии, но и образ жизни, мировоззрение, темперамент, систему ценностей, менталитет народа. Испанский язык является

наглядным примером менталитета и мировоззрения людей, которые говорят на нем. Это не удивительно, что испанский пестрит выражениями, связанными с религией и верой, и подчеркивая фундаментальную важность отношений с божественным, с будущей жизнью, с персонажами ритуалов и святыми, Дева и Дьявол. Они всегда были и будут важным элементом в ментальной картине испанского народа.

В последнее время, испанский язык «выходит на свободу», изменяясь и эволюционируя под влиянием разных социологических явлений. Стало привычным злоупотребление таким словом, например, как *hostia*, используя его во всех его возможностях и смыслах, полностью забывая его мистическо-литургическое значение. Бог и Дева часто участвуют в таких выражениях, где вовсе не передается положительная коннотация. Все это расширяет диапазон использования выражений религиозного происхождения из весьма положительной стороны: просьбы, хваления, наставления и т.д., к чисто грешной стороне, можно сказать радикально негативной. Речь идет уже о кощунстве, что проявляется в очень обширной палитре критики, юмора, неуважения, иронии и т.д.

Если сравнить испанский язык с другими романскими языками, то мы увидим, что на данный момент только португальский и каталонский

имеют эту общую черту, которая состоит из множества выражений, которые проистекают от высокого влияния религии. Интересно отметить, что эти три языка до шестнадцатого века развивались в странах, оккупированных арабами. Хорошо известна часто используемая поговорка на арабском языке и постоянное призывание Аллаха. В то время как во французском языке найти такие выражения является очень сложным, если почти невозможным. Французский язык очень скупой на использование поговорок, будучи рационалистическим языком, который использует намного меньше метафор и образов. Что касается итальянского, то в этом языке присутствуют многие из этих выражений, но в процессе христианизации школы и итальянского общества они почти исчезли из устной речи.

Новогреческий язык, хоть и не относится к романским языкам, но очень похож на испанский в своем отношении к «святому». Он также имеет выражения, связанные с религиозным явлением, и богохульными привычками. Интересно проследить, что на протяжении четырех столетий турки находились на территории Греции, так же, как и арабы-мусульмане, которые жили восемь веков на Иберийском полуострове. В результате чего, среди многих других привычек, постоянное обращение к «божественному» стало естественным [1].

Очевидно, что существует общее индоевропейское наследие поговорок на всех языках, на которых говорят в Европе, хотя некоторые языки сохраняются в непрерывном использовании, а другие устарели. Использование поговорок и поговорок религиозного происхождения не является одинаковым во всех случаях.

Мы заметили, что кроме влияния арабов на использование религиозных терминов и высказываний в испанском языке, влияние еврейской общины было еще более значительным. На протяжении многих столетий еврейская, мусульманская и христианская общины проживали вместе на Иберийском полуострове. Именно это смешение культур имело значительное влияние на испанский

язык и культуру. Это принесло множество выражений и афоризмов, связанных с Ветхим Заветом и Библией. Хорошим тестом является коллекция Sem Tob (XIV век) *Consejos y documentos al Rey Don Pedro*. Именно эти еврейские общины проявляли особый интерес к злоупотреблению чисто ортодоксальных религиозных выражений в пределах христианской теории общины в трудные времена инквизиции. Таким образом, они пытались избежать малейшего подозрения в инакомыслии. Следовательно, такие книги как, например, Селестина, написанные христианизированным евреем, который пытался стереть из своей работы все следы иудаизма, составляют большой сборник поговорок и чисто христианских выражений. Некоторые из них дожили в целостности и сохранности до наших дней: *Queden los ángeles contigo, Quitar de un santo para poner en otro, Santiguarme quiero de su necesidad, Un fraile solo pocas veces te encontrarás por la calle* и т.д. [2].

Да, мы видим арабское влияние на испанский язык, особенно это проявляется в упоминаниях о Боге в наших ежедневных разговорах. Всем известное выражение *Ojalá* также имеет арабское происхождение – *wa sa llah* – что переводится, как пусть захочет Бог. Также присутствуют и другие поговорки и выражения. Например, *Ya que la montaña no va a Mahoma, irá Mahoma a la montaña* (это выражение также присутствует и в славянских языках и звучит как Если гора не идет к Магомету, Магомет пойдет к горе), *Andar de la Ceca a la Meca, Hay moros en la costa...* [4]

Однако, выражений библейского происхождения или связанных с Ветхим Заветом или Талмудом, существует значительно больше. Вероятно, они были введены еврейскими общинами, которые имели хорошее знание Библии. Примеров этих поговорок существует значительно больше, но мы приведем всего несколько: Примеры: *Echar margaritas a los puercos, Rasgarse las vestiduras, Ser o no ser Profeta en su tierra, Tener más años que Matusalén, Echar margaritas a los puercos (Mat. VII, 6), Rasgarse las vestiduras (prensa), Ser o no ser Profeta*

en su tierra (medios de información), Tener más años que Matusalén [2].

Есть также примеры пословиц и высказываний антисемитского происхождения, которые также можно объяснить историей их пребывания на полуострове: *Ser más avaro que un judío o Toma el judío buen sábado y no quiere gallina hurtada y Achacoso como judío en viernes, La labor de la judía, afanar de noche y holgar de día, estos últimos del Refranero del Marqués de Santillana. El judío y la mujer, vengativos suelen ser, Judíos y gitanos no son para el trabajo* [2].

Выражения, связанные с Новым Заветом, присутствуют в значительно большем количестве, ведь он приближеннее к нам во времени. Новый Завет чаще всего использовался в мессе, Катехизисе и литургии. Ежедневное прочтение историй из Нового Завета проявилось в таких поговорках как: *Donde Cristo dio las tres voces, En menos que canta un gallo, Ir hecho un Cristo, Para Inri, Ser más falso que Judas* [2].

Чаще всего используется ссылка на Страсти Христовы, ведь это наиболее яркий момент не только во всей Библии, но и в истории человечества: *Ir de Herodes a Pilatos, Ir hecho un Ecce Homo, La oración del Huerto, Lavarse las manos, Llevar la cruz a cuevas, Llorar como una Magdalena, Para mayor Inri, Por los clavos de Cristo, Qué calvario, Qué cruz, Que venga Herodes y se los lleve, Ser de la piel de Barrabás, Ser el paño de lágrimas, Ver la paja en el ojo ajeno, Vivir un calvario* [2].

Кроме этого, некоторые исторические события, связанные с церковью, создали высказывания и поговорки, которые кристаллизовались в кастильском языке. Среди них: *Colgar a alguien el sambenito, que hace alusión al hábito o saco de paño burdo con que la Inquisición investía a los condenados antes de conducirlos a la hoguera, símbolo de culpabilidad. Armarse la de Dios es Cristo (jóvenes también), cuando se discutió acaloradamente en el Concilio de Nicea sobre las dos naturalezas, divina y humana, de Jesucristo. Acabar como el rosario de la Aurora, famosa pendencia organizada en un pueblo de Cádiz por los cofrades*

del Rosario de la Aurora, donde se acabó a farolazos [2].

Все, что связано с религией, божественным, Девой Марией и святыми используется в выражениях, которые являются частью самой основной повседневной жизни. Их используют для прощаний, молитв, просьб, чтоб выразить страх или желания... Испанцы надеются на Бога, как основу своей надежды, свидетеля их страхов и ожиданий, доверяя ему и следуя по доброму пути. К сожалению, в современном мире эти выражения утратили такое значение, и стали больше механическими высказываниями. Вера в то, что все зависит от Бога отошла на второй план, хотя слова и остались *Bien sabe Dios que..., Como Dios manda, Dios nos coja confesados, Estar como dios, No hay Dios que..., Está de Dios, Lo que de Dios está, sin duda se cumplirá* [2].

Литургия в прошлом занимала много времени в жизни испанского народа, особенно в праздничные дни. Она дала много образов в испанском языке, таких как свечи, колокола, погребения, кресты, алтари... Это все вылилось в таких высказываниях, как *Echar las campanas al vuelo, Ir en la procesión y repicar las campanas, No tener vela en un entierro, Poner una vela a Dios y otra al Diablo* [2].

И среди всех литургий, праздник Пасхи оставил особый след: *De pascuas a Ramos, Estar como unas pascuas, Cara de pascua, Hacer la pascua, Santas pascuas* [2].

Интересно, что праздник Пасхи также используется для описания ситуации и действий прямо-негативного характера, как в испанском языке: *Hacer la pascua*.

Пословицы и антиклерикальные поговорки являются одной из самых больших групп, которая показывает, что испанцы были часто подавлены тяжестью церкви в обществе, в котором они жили. И все же им удалось сохранить свой критический дух, чтобы отомстить представителям церкви, изобретая следующие выражения и, вероятно, многие другие: *Cada amén que el cura dice le vale un par de perdices, Parece que te ha hecho la boca un fraile, Vivir como un cura/ un obispo, Con putas y frailes, poco*

hables, Boca de fraile, sólo el pedir la abre, Bocato di cardinale, Clérigo, fraile o judío, no le tengas por amigo, Cuando un fraile se ahorca, su cuenta le tendrá, Después de puta, santera, En la casa del cura siempre hay ventura, Una cosa es predicar y otra dar trigo, Veinte años de puta, dos de beata, y cántala santa [2].

Читая их, мы понимаем, что больше всего критике поддавалась жадность, легкая жизнь и лень представителей церковной власти. Самая жесткая критика была во времена Маркиза де Сантильяна: *¿Ayunáis, gallego? A pesar de o demo, ¿Con quién lo tenéis, cuaresma?, Con quien no os ayunará, A mal abad, mal monecillo, A quien Dios quiere bien, la casa le sabe, Abad y balletero, mal para los moros, El abad, donde canta, ende yanta, Quien enferma y sana, romería es que anda, Quien no habla, no le oye Dios, Rogamos a Dios por santos, mas no por tantos, Si quieres aprender a orar, entra en la mar, Tanto monta, como miaja en capilla de fraile, ¡Xó! Cagará el prior* [2].

В условиях все менее христианизированного общества, слова Бог, Богородица, святые, дьявол, в устах всех членов испанского общества, все реже используются в благоговейных целях. Молодые люди делают это по своему, старшие по своему, но все они обращаются к Богу и божественному. Религиозная паремиялогия в испанском языке представлена особо ярко, ведь они привыкли выражаться, опираясь на образы. Если раньше эти образы носили более позитивный характер, то современное общество имеет тенденцию считать все прошлое ненужным, бессмысленным. Критика Бога не удивляет, ведь те, кто должны были представлять Его (церковь), не справились со своим заданием. Свобода, которую представляет жизнь без Бога, манит людей и приводит к богохульству.

References:

1. Álvarez Martínez, Mª Á. Impacto del fenómeno religioso en el español coloquial., Álvarez Martínez Maria. – Actas del Congreso de la Sociedad Española de Lingüística. XX

Aniversario, 2 Vols. Madrid, Gredos, 1990, pp. 769-786.

2. Doval G. Del hecho al dicho., Gregorio Doval. – Madrid., Ediciones del Prado, 1995. – 423p.

3. Durán L., de Dios J., Nadal L. Cómo las metáforas recurren a conocimientos ontológicos y culturales. Fundamentos teóricos del Diccionario Intercultural e Interlingüístico., Luque Durán, Juan de Dios, Luque Nadal. – Tübingen., Narr Francke Attempto Verlag, 2009. – 607 p.

4. Molina Martínez L. Análisis descriptivo de la traducción de las cultuermas árabe – español., Lucía Molina Martínez., Access mode: <http://pagines.uab.cat/doctorat-traduccio/es/content/luc%C3%AD-molina-mart%C3%ADnez> <https://doi.org/10.6035/estudistraduccio.2006.14>

Литература:

1. Álvarez Martínez, Mª Á. Impacto del fenómeno religioso en el español coloquial., Álvarez Martínez Maria. – Actas del Congreso de la Sociedad Española de Lingüística. XX Aniversario, 2 vols. Madrid, Gredos, 1990, pp. 769-786.

2. Doval G. Del hecho al dicho / Gregorio Doval. – Madrid., Ediciones del Prado, 1995. – 423p.

3. Durán L., de Dios J., Nadal L. Cómo las metáforas recurren a conocimientos ontológicos y culturales. Fundamentos teóricos del Diccionario Intercultural e Interlingüístico., Luque Durán, Juan de Dios, Luque Nadal. – Tübingen., Narr Francke Attempto Verlag, 2009. – 607 p.

4. Molina Martínez L. Análisis descriptivo de la traducción de las cultuermas árabe – español [Электронный ресурс]., Lucía Molina Martínez., Режим доступа: <http://pagines.uab.cat/doctorat-traduccio/es/content/luc%C3%AD-molina-mart%C3%ADnez> <https://doi.org/10.6035/estudistraduccio.2006.14>

Information about author:

1. Marina Lenko – Candidate of Philology, Ivan Franko National University of Lviv; address: Ukraine, Lviv city; e-mail: marynuccia@ukr.net

THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL INNOVATIONS IN THE GENESIS OF GROTESQUE (ON THE MATERIALS OF WORKS BY WITOLD GOMBROWICZ)

D. Hamze, Assistant
Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Bulgaria

The purpose of this study is to consider phraseology as the axial centre, around which the grotesque expression is consolidated and built. Within its scope, the phraseological turns are polyfunctional – apart from being a semantic core, they play the role of a grotesque catalyser or a litmus for inventiveness and creativity of the speech producer. They act as the deictic marker, focusing, guiding and facilitating the reception, as well as the expressive miniature, which by itself may be a significant representation, a verbal and visual ‘abstract’ of the grotesque panel. The distinct impressiveness of phraseological units raises the communicative tone in the grotesque zone and continuously stimulates the dialogue between the Author and the Reader. The phraseological field an object of constant, active and intense interest of the specialists, but it has not been studied so far as the appropriate soil for comedogenic (and in particular grotesque triggering) operations.

Keywords: phraseology, grotesque, deixis, derivation, metaphor, expression, communication, Form, transcendence.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В ГРОТЕСКОГЕНЕЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ВИТОЛЬДА ГОМБРОВИЧА)

Хамзе Д. Г., ассистент
Пловдивски университет Паисий Хилендарски, България

Цель настоящего исследования – рассмотрение фразеологии как осевого центра, вокруг которого консолидируется и наслаивается гротесковое изображение. В его пределах фразеологические обороты полифункциональны – кроме функции смыслового ядра, они играют еще и роль гротескового катализатора, лакмуса для изобретательности и креативности производителя речи, дейктического маркера, фокусирующего, направляющего и облегчающего рецепцию, а также изобразительной миниатюры, которая сама по себе может быть знаковой репрезентацией, словесно-зрительным „абстрактом” гротескового панно. Яркая изобразительность фразеологизмов поднимает коммуникативный тонус в гротесковой зоне и непрерывно стимулирует диалог между Автором и Читателем. Фразеологическая сфера – это объект прочного, оживленного и настоящего интереса со стороны специалистов, но как благодатная почва для комикогенных (и в частности гротескогенных) операций она еще не исследована.

Ключевые слова: фразеология, гротеск, дейксис, деривация, метафора, экспрессия, коммуникация, Форма, трансцендентность

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i13.1597>

ИВ. Гомбрович, и Д. Толкин обуяны Одной и той же страстью – лингвотрекцией. Их неудержимый эстетический порыв и эвристический рефлекс возвращает их к корням языка, где они могут опереться на знакомое, чтобы овладеть территориями неведомого, чтобы обнаружить и внедрить новое, необычайное и эксцентрическое как новаторское „продолжение” традиции в панорамном социально-историческом и социо-культурном контексте. Оба яркие экспериментатора, плененные соматико-экспрессивным и эстетическим магнетизмом языка, направляемые прежде всего своей языковой интуицией и неустойчивым желанием творчества, создают уникальную „лингвогонию” (по модели космогонии) как часть Нового искусства и Новой игры. Анти-Формальный поход, хоть и не совсем как проясненная философская концепция, представительная для ментального универсума В. Гомбровича, является частью жизни и английского писателя, который в своей лекции „Гайный порок” перед академической гильдией в Оксфорде с удивлением и восторгом цитирует слова незнакомого, ничем не примечательного человека, который,

даже не подозревая, входит в роль демиурга: „Да, пожалуй, я выражу вinitельный падеж префиксом!” Этот креативный инстинкт вызван самим языком с его завидными возможностями для „трансгрессивных” трансформаций, которые В. Гомбрович использует самым оригинальным образом в своем гротесковом творчестве. Языковая изобретательность обоих писателей обеспечивает им желанную свободу от ограничений рамок, от Формальной тирании. И для обоих писателей основной источник удовольствия – это созерцание связи между звучанием и значением. Д. Толкин – создатель новой языковой мифологии, а В. Гомбрович, в духе своего собрата по перу, совершая неосемантизацию и реструктуризацию фразеологических сочетаний, творит новую фразеологическую мифологию и антропологию.

Образная стихия фразеологии не остается незамеченной учеными. Анджей Мария Левицкий говорит: „Фразеология – раздел науки о языке, в котором план наблюдения доминирует в такой степени над планом абстракции, что едва можно говорить о научном характере этой дисциплины” [Lewicki 1981: 71]. Серьезное внима-

ние образности при фразеологических единицах уделяет Стефана Калдиева-Захариева, по мнению которой современный анализ метафоры и ее роли в языке неизбежно направляет интерес в сторону фразеологии [Калдиева-Захариева 2013: 187]. Болгарская исследовательница констатирует еще следующее:

„Связь и взаимоотношение **мотивация – внутренняя форма – основополагающий образ – визуальный образ** обычно в скрытой динамике во времени и по отношению к познанию носителя языка. Всегда актуальным, однако, остается визуальный образ, воспринимаемый в синхронном плане” [Калдиева-Захариева 2013: 190].

Метафоричность, образность, экспрессия и массовое распространение – наиболее часто указываемые специалистами черты фразеологизмов. Их многозначность, плод повторного переосмысления образа при их внутреннем развитии [Калдиева-Захариева 2013: 197], подготавливает почву для гротесковых трансформаций. Даже так называемые ошибки при употреблении фразеологизмов (сокращение выражений, расширение сочетания, замена одного из элементов, конта-

минация различных фразеологизмов, изменение формы одного из компонентов, размещение правильного сочетания в неподходящем стилистическом контексте) могут превратиться в коммуникативные „медиумы” как для лучшего понимания в собственной культуре, так и на межкультурной арене. Подобные „трансгрессии” очень креативны и плодотворны („золотые прииски”), особенно на гротесковой территории, где фразеология транссемантизируется и переносится в другое измерение. Фразеологическое богатство отражает антропоцентрический взгляд на действительность, а тематические фокусы, как: части человеческого тела, пространственные, параметрические и темпоральные показатели, негация, Бог и религия, судьба, дьявол и зло, оценочные категории, – это универсальные межкультурные „магнитные поля”.

Что именно нужно понимать под фразеологизмом? Ответы специалистов слишком туманны. В общем, то, что выделяется как специфика фразеологического выражения, в большинстве случаев можно сказать и относительно обычного предложения, и о свободном словосочетании, и об отдельной лексеме. Может быть, сравнительно ясным и простым было бы следующее определение: такое сочетание слов, которое имеет целостное, консолидирующее значение (являющееся не простой суммой значений составляющих его элементов) и которое воспроизводится потребителями определенного языка в принципиально неизменной, постоянной форме. Фразеологизм в какой-то мере образное, картинное „отклонение” от системно-стереотипного говорения, что делает его особенно активным в артистическом и в частности в гротесковом вербальном пространстве. Своим специфическим колоритом он привлекает внимание коммуникантов и начинает функционировать как яркий дейктор.

Что касается отличительных черт фразеологизмов: воспроизводимости, целостности, компонентности (полилексемности), прерванности (формальной делимости), возможной

склоняемости отдельных лексем, общности, экспрессивности, незаменности (семантической неделимости) [Bogusławski 1989], большинство из них могут быть приписаны любой другой языковой единице, а, со своей стороны, отсутствие какого бы то ни было из перечисленных свойств не мешает тому, чтобы конкретная единица интуитивно была причислена к группе фразеологизмов. Важная их особенность – это вероятность иметь неправильное грамматическое строение, возможность того, чтобы их значение не проистекало от значения их составных частей, чтобы замещение их элементов было или ограниченным, или невозможным. Из-за общности и неотчетливости языковых характеристик граница между фразеологическими выражениями и остальной частью лексического богатства определенного языка – в высшей степени условна. Этот факт особенно значим и благотворен на фоне современных интегративных тенденций и процессов в антропологическом пространстве в целом и в науке (науках) в частности. В целях конкретного исследования, однако, важно выделить такие специфические языковые находки, которые подчеркнули бы «стимулирующую» роль фразеологизмов в гротескогенезе. Для этой цели в поле фразеологизмов я включила бы только устойчивые, но не лишённые вариативности, фразы. Семантическая деривация как „всепорождающий” процесс в гротесково маркированном творчестве В. Гомбровича ложится в основу и фразеологической деривации, при которой фразеологические единицы имеют сущностный инвариант в плане выражения и в плане содержания, но отличия между ними в плане выражения связаны с различными синтаксическими функциями, выполняемыми каждой из них, как и с различиями в стилистическом диапазоне или же в смысле [Lewicki 1981: 79]. Как синонимия, так и вариативность языковых единиц (одна из ярких разновидностей повторения) представительны для гротесковой общности писателя, следовательно его фразеологические инвенции тоже за-

служивают нужное внимание. Данута Бутлер обособляет группу так называемых *аналогичных фразеологизмов*, созданных по модели традиционных идиомов, хорошо знакомых воспринимающим – с точки зрения структуры и способа вызова комического эффекта они совпадают со словообразовательными аналогизмами типа *‘padłodajnia’* (от *‘jadłodajnia’* закусовая – соотв. в.м. ‘пищедающая’ – ‘падодающая’) и *‘papinsynek’* (от *‘maminsynek’* мамин сыночек – соотв. в.м. ‘маминсынок’ – ‘папинсынок’) [по Buttler 1974: 216]. Я причислила бы этот тип речевой изобретательности к лексическим неологизмам, а не к фразеологии, но в случае важнее принцип. Вот подобные примеры и из текстов В. Гомбровича: *‘pantomina’* (‘гримасомима’) (по модели слова ‘пантомима’) [F, 69] – ожесточенный маскообмен (поединок на гримасах в роли масок между двумя из героев романа) – не на жизнь, а на смерть, осуществляется посредством кровавого соревнования в „обстреливании” различными физиономиями как убийственными гипостазами Формы. Воинственная *‘pantomima’* выражается в уничтожительной *pantomina; hulajęba* (‘выгуляйморда’). Этот гротесково неологический конструкт, образованный посредством контаминации и компрессии глагола *huleć* (‘слоняться, шляться, скитаться без направления и цели, хаотично’) и разговорного существительного с пейоративным оттенком *‘ęęba’* (‘рот, морда, рожа’) ассоциируется с прорывом Формы, с известной свободой после избавления себя от Формального деспотизма хотя бы в Межформальном пространстве (переходе между двумя Формами), с иронией ментальной модели, согласно которой Без-Форме – это недостаток и отсталость, так как оно присуще невежественным простолудинам, но и с неизбежностью о-Формления – „перепрыгивания” с одной „морды” на другую, может держать нас на некоторое время в плену иллюзии, что мы увильнули от Формы, но на самом деле представляет собой лишь доказательство невозможности избавиться от нее, *gdyż nie ma ucieczki przed ęębą, jak tylko w inną*

gebe' (...) [F, 286]; *Hrabina Podlubaj* („Графиня Выдолбай”) (словообразовательная парафраза *Hrabina Kotlubaj* („Графиня Котлубай”), „изофон” в роли фразеологического аналога (или скорее ассоциативного „алогизма”?), в соответствии с терминологией Д. Бутлера – это гротесково-неологический конструкт, раскрывающий смысловую и социокультурную оксимороничность сочетания – аристократичная особа „роется” и „долбит” всюду в прямом и переносном смысле: ведет себя неотесанно во время еды, причиняет неслыханные человеческие страдания и „копается” в них с сатанинским удовольствием под „аккомпанемент” Формы, под прикрытием своего благороднического „иммунитета” [В, ВНК, 74]. Прямая ассоциация с выражением *‘dłubać sobie w nosie’* (‘ковырять в носу’) очевидна, а в фонетическом отношении глухой эксплозив *p* связывается с плеванием – как неотесанная манера поведения в социально-бытовом и этическом плане, и как ненависть, нетерпимость, отвращение к низшим слоям – в социально-классовом и эмоциональном плане.

Польская исследовательница совершенно основательно ищет причины реализации индивидуального содержания в словообразовательных формациях и обнаруживает их в многозначности или омонимическом характере морфем (чаще всего основы), а в области фразеологизмов – в полисемии и омонимии слов-компонентов. Следовательно, можно сказать, что комическое только актуализирует потенциальную двусмысленность, содержащуюся в структуре традиционных лексических сочетаний, т.е. эксплуатирует естественные возможности для возникновения комических недоразумений [Buttler 1974: 217]. Для адекватного восприятия и толкования фразеологизмов как источника комического сущностное значение имеет, как отмечает Д. Бутлер, равновесие двух факторов в их семантической структуре – элементов удивительности, чудачковатости, нарушения нормы и естественной мотивации

этого отступления [Buttler 1974: 217]. Решающим для правильной перцепции оказывается сосуществование (опять оксиморон) хорошо обоснованной „удивительности”, как плода пре- и ре-интерпретации традиционного содержания составляющих фразеологическую структуру элементов, и контраста между общественно утвержденным и индивидуальным значением [по Buttler 1974: 217–218]. Схема фразеологического аналога должна быть достаточно стабилизированной в памяти адресата, чтобы он, несмотря на перемены в лексическом составе, мог немедленно восстановить традиционное содержание. Поэтому слишком часто образцом такого типа фразеологизмов становятся пословицы, поговорки, литературные цитаты и др. Это имеет решающее значение для характера комического контраста: обычно с традиционной, преемственной структурой связывается актуальное содержание; иногда осмеивается патетический, возвышенный характер чего-то, причем в занятый образец вкладывается тривиальное или вульгарное содержание [Buttler 1974: 219]. Этот прием характерен для комикотворчества В. Гомбровича. Польский лингвист подтверждает фреквентность фразеологии этого типа в генерировании комического: „Аналогические фразеологизмы встречаются обычно как составляющие более длинных сатирических произведений или же являются базой для небольших пародийных форм, копирующих схему кратких текстов: Святая Редукция Мученица, Святая Депрессия, Святая Протекция (...). Следовательно, фразеологические аналогизмы представляют одно из наиболее типичных средств сатиры и пародии” [Buttler 1974: 221–222].

Вследствие лексико-семантического, на вид девиантного фразеологического словообразования, гротесковые картины в текстах В. Гомбровича приобретают новый колорит. Нередкое явление при них – это частичная или полная дефразеологизация, за которой, однако, следует идиолектальная рефразеологизация именно на гротесковом

уровне. Благодаря ей создаются фразеологические авторские неологизмы. Рефреновый авторский фразеологизм („выложенный” вследствие лексической редукции) *usługiwać na palcach* (‘служить, обслуживать на цыпочках’) порождается в соответствующем гротесковом контексте. Преобразован канонический фразеологизм *‘chodźć koło kogoś na palcach’* (‘двигаться вокруг кого-н. на цыпочках’) – ‘быть очень заботливым, внимательным, деликатным по отношению к кому-л.’), причем после трансформации его семантика приобретает следующие параметры: 1. сохраняет буквальное значение (слуги обслуживают своих господ босыми, необутыми) с ироническим акцентом, намекающим на аристократию, которая и ведет себя неотесанно, грубо, и наряду с этим раболепствует перед Формой, вот почему ее надо атаковать – „босо-та”, с одной стороны, является знаком социокультурной ассиметрии из-за примитивности и безобразия „избранных”, а, с другой, – проявлением бунта угнетенных против их мучителей (угнетателей); 2. генерирует и переносное значение в силу гротесково-оксиморонного контраста между внимательным, сдержанным обслуживанием и грубым поведением за столом общественной элиты (подчеркнутым посредством череды психо-поведенческих и лексических оксиморонов); 3. производит прямо-уподобляющее (ассоциативно-аналогическое) значение с помощью симметрии, напоминающее метонимию – господа едят пальцами, а слуги обслуживают их босыми, выставляя напоказ пальцы своих ног. Так безобразное поведение аристократии приобретает еще более отталкивающие формы и размеры. Эти значения взаимно дополняют друг друга, переливаются друг в друга и вместе с тем взаимно актуализируются.

Konstanty jadł dość głośno, choć wyrafinowanie, z finezją; palcami oprerując nad talerzem, ujmował płat szynki, przyprowadził chrzanem lub musztardą i wtykał w otwór gębowy (...) Ciocia pojadła z dobrocią, dosyć

2 Константы ела слишком шумно, хотя и изысканно, с утонченностью; оперируя пальцами над тарелкой, она хватала кусок ветчины, заправляла хреном или горчицей и засовывала в яму своего рта (...) Тетя кушала добродушно, очень обильно, но аккуратно, Зося обедалась, Зигмунт питался лениво, а прислуга обслуживала их на цыпочках (...) Батрак! Он суетился и подавал блюда босым, с полотенцем, перекинутым через руку, без воротничка, в рубашке, застегнутой на английскую булавку, в своей обычной воскресной одежде крестьянских батраков [F, 200].

*obficie, lecz cienko, Zosia wsadzała w siebie, Zygmunt konsumował gnuśnie, a służba usługiwała na palcach. (...) Parobek! (...) Uwijał się i obsługiwał boso, z serwetką przewieszoną przez lewe ramię, bez kołnierzyka, z koszulą zapiętą na spinę, w zwykłym niedzielnym ubraniu parobków wiejskich*³ [F, 200].

Когда один из героев „Ferdydurke” – Копирда, удаляется, показывая, что не желает выражать свое отношение к неотложному вопросу о решающем поединке на гримассах между двумя своими одноклассниками Ментус и Бладячка (в котором Ментус задумал чудовищное насилье своего товарища в уши), нарратор описывает его удаление путем дезинтеграции знакомых фразеологизмов и контаминирования их фрагментов. В результате этого в гротесковой зоне создается сюрреалистически-соматический фразеологизм (или неофразеологизм), порождающий эквивокацию лексемы *czoło* в следующем предложении, и представляет прямую и опосредованную разборку Формы. *Nogi miał na czole* означает: ‘Ноги его были на лбу’ – здесь амфиболически (энантиосемически) всплывают оба значения, т.е. ‘они впереди, на переднем плане, ведут’ и букв. ‘находятся у него на лбу (там поставлены)’. Здесь разборка Формы (расчищающая и путь для эстетико-философской трансценденции в гротесковом пространстве) продвигается по двум параллельным линиям – путем удаления героя (он прыгает в окно своими бытвыми ногами) как свидетельство того, что он не хочет взять сторону и участвовать в кровавом, роковом спектакле, в „гладиаторской” битве между двумя Формами, и путем „рисования” нетипического изображения (ноги на лбу) как пластическая Анти-Форма в роли и яркой конфронтации со всеми Формами общепринятого. Жест потирания лба рукой, проделываемый Южью (рассказчиком) по ассоциативной ана-

логии (симпатическое уподобление) с „местом” ног своего одноклассника, тоже раздваивается семантически: 1. указывает на предыдущую позицию на лбу и словно подтверждает антиформальную абдикацию Копирды, и 2. упомянутый жест символизирует задумывание, размышление, потерю уверенности, т.е. опять-таки знак де-Формации общепринятой Формы. И безглагольные вопросительные эллипсисы свидетельствуют об ослаблении Формы, об экзистенциальном колебании между двумя полюсами и об отсутствии ответа на два на самом деле риторические вопроса.

*I dlaczego nogi – dlaczego nogi wysuwały się na plan pierwszy, na czoło? Nogi miał na czole. Potarłem czoło ręką. Sen? Jawa?*⁴ [F, 56]

Парономастическая „рационализация” во рту героини Флора Дженте из философской новеллы как мета- и интертекст в том же романе, в ответ на экзальтированный, три раза повторенный призыв гения синтеза Филидора ко всеобщему единению, сплочению, одновременно де- и рефразеологизирует как неологизм на гротесковом уровне знаковое выражение *Mnie wszystko jedno* (‘Мне до лампочки’). Во вновь образованной фразе актуализируются два полностью противоположных значения, действующих как Формопорыв – ‘мне до лампочки, получится ли синтез, мне наплевать на это единение, потому что и оно в конечном итоге окажется невозможным в социально-бытовом и социо-культурном плане под давлением Формы’ и ‘мне все „одноединение”, т.е. все во мне призывает к единению в чисто соматическом плане, что означает, что и я за единение – но другого типа, и мне все равно, что думаешь ты и о каком научном синтезе говоришь’. Так реально физическое превращается в метафору первичной материнской перед-Формальной целостности как щит, штык и антидот против Формы. На-

лицо основание обособить новое явление во фразеологии, а именно: **оксиморонизацию фразеологизма**. Это единение можно рассматривать уже и на трансцендентном уровне.

– *Jedność! – krzyknął Filidor gwałtownie. – Wyższa Jedność! Jedność!*
– *Mnie wszystko za jedność – powiedziała obojętnie – staruszek czy dziecko*⁴ [F, 101].

Решимость Ментуса не отказываться от задуманного акта насилования по отношению к намеченному однокласснику („Ferdydurke”), несмотря на настойчивые увещания Южью, проиллюстрирована уникальной фразеологической универбизацией двух синонимических фразеологизмов – *Mam was w dupie* (‘Мне наплевать на вас’, букв. ‘Вы у меня в попе’) = *Mam was w dużym poważaniu* (букв. ирон. ‘Страшно вас уважаю’, но на самом деле ‘Мне на вас наплевать’, ‘Мне до фонаря, что с вами’). Здесь одновременное освещение обеих поверхностных семантических вариаций – одной грубо натуралистической, а другой перифрастично опосредованной посредством иронии, генерирует гротесковое сопротивление против всепоглощающего клише – и языкового, и духовно-идеологического, и социо-культурного; против гегемонии Формы. *Dupa* и *duży* играют роль гротесковой анаграммы, а вульгарный фразеологизм (‘Mam was w dupie’) словно антиципирует смысл своего иронического „собрата”, выполняя функцию „явного” иронического индекса, вследствие чего декодирование иронии получается легко. Так два сочетания синонимизируются, благодаря скрытому сравнению и аналогии.

– *Wiesz gdzie go mam, a ciebie z nim razem? Mam was w du...żym poważaniu*⁵! [F, 56].

Профессор из драмы *Operetka* имеет привычку блевать налево и направо в знак несогласия и неприятия господствующей Формы. Рвота – одно

3 И почему ноги – почему ноги выставляются на передний план, во главе? Ноги у него были на лбу. Я потер лоб рукой. Это сон? Или реальность? [F, 56]

4 – Единение! – резко крикнул Филидор. – Высшее Единение! Единение!

– Мне все одноединение, – сказала она равнодушно, – старик или ребенок [F, 101].

5 – Знаешь, какое мне дело до него, да и до тебя тоже? Вы у меня в по... почете невиданном! [F, 56].

6 Абъект – это термин Юлии Крыстевой, у которого семиотическая природа и который возвращает субъекта к его первичной, материнской Целостности. Он приходит рас-Формировать его и напомнить ему, что сколь болезненна ни была эта „ретроспекция”, она есть неизбежный реванш, из-за нашей зависимости от императивов культуры.

из перевоплощений абъекта⁶, а Принцип, несмотря на свое срастание с „высокой” Формой, на подсознательном, рефлекторном уровне тоже страдает по абъектальному и не может без него. Именно оно объединяет обоих протагонистов посредством языковой находки, которая на первый взгляд является всего лишь глумливо-ироническим озорством, а на самом деле есть трансцендирующая платформа для антропологической конвергенции посредством абъекта. Фразеологическое решение *Z ust mi profesor wyjął* (‘Я как раз то же самое собирался сказать, профессор’) имеет тройную „подоплеку”: 1. как актуализация знаковой фраземы, только в иронической тональности = ‘И я хотел сказать то же самое, но Вы меня опередили’, т.е. ‘я тоже так думаю, и мои убеждения такие же’; 2. как дефразеологизация, т.е. буквализация значения = ‘Меня тоже рвет, как и Вас’ (символично). Конечно, оно может быть иронией, но звучит и как автоирония из-за неосознанной связи индивидуума с абъектом; 3. как рефразеологизация на трансцендентном уровне, благодаря гротесковой функциональности языкового оборота = оба значения – и буквальное, и переносное, „переквалифицируются” в символизирование третьего – ностальгии и моментного прикосновения осуществляющей целостность Перед-формальной Первичности посредством осязаемого присутствия абъекта. Эта трехфазовая круговость в семантической траектории фразеологизма является гротесковым „патентом”.

Profesor

Rzyg...

Książę

Otóż to właśnie! Z ust mi profesor wyjął! [O, 260]

Все эти удивительные гротесковые инновации писателя предопределены самой природой языковой материи и словно подготавливают яркую, современную тенденцию к дезинтеграции фразеологизмов, которая в свою очередь стимулирует и подпитывает

инновативность и индивидуальное творчество. Ивона Плученник и Даниела Подлавска замечают, что „многие фразеологические инновации, состоящие в сознательной модификации состава сочетания, в его дополнении, в изменении грамматической формы некоторого из элементов и т.д., можно встретить в художественном стиле (...) инновации проистекают из желания того, чтобы адресат был удивлен языковым непокорством, стремлением придать необычность речи и насытить ее эмоциональной, порой юмористической энергией” [Płóciennik, Podławska 2008: 78].

Просмотр фразеологической динамики в гротесковом поясе позволяет сделать следующие выводы:

1. Картинная образность, повышенная экспрессивность и яркая метафоричность фразеологизмов делает их осязаемыми дейторами и мощными операторами в комикогенезе. Они фокусируют комическую энергию, превращаясь в ее ядро, и становятся важными ориентирами для распознавания и интерпретации комического текста. В этом смысле играют и роль комических индексов.

2. Изобразительная стихия и пластическое разнообразие фразеологических оборотов делает их исключительно коммуникативными формациями.

3. Связь между фразеологизмом и комикой двусторонняя – фразеологизм – комикогенный фактор, стимулирует и ускоряет комикогенез, а комика, со своей стороны, „отплавывает ему”, усиливая, обогащая и нюансируя деривационные процессы во фразеологии. На территории комического можно говорить о *гротесковой вариативности* фразеологизмов.

4. Посредством своих фразеологических репрезентантов гротеск „проследживает” сам фразеогенез, профилирующийся как трехэтапная кругообразная траектория: исходное переносное значение (знакового классического фразеологизма) – буквальное значение (путем моментной дефразе-

ологизации) – вторичное переносное значение (путем последующей рефразеологизации). Рефразеологизированные единицы как гротесковый „патент” актуализируют оба значения – и дословное, и переносное, которые объединяются в своем наступлении против Формы.

5. На гротесковой территории два противоположных семантических вектора: фразеологическое и дословное значение фраземы не противопоставляются друг другу, а в согласии с конструктивным принципом гротеска (который они иллюстрируют) выражения и выравнивания значения бытийностей „совместными усилиями” создают новый, идиолектальный фразеологизм (неофразеологизм), который может быть не только толкованный более всеохватно и масштабно, но и сыграть роль трансцендирующего фактора. Таким образом раскрывается мнимая буквализация сочетания и в конечном итоге его результативная и спонтанная спиритуализация.

6. Сами фразеологизмы в творчестве В. Гомбровича являются гротесковыми образцами – минимоделями, миниатюрами, микромакетами гротеска, как раз этой своей двойственностью, дезинтегративностью и ре-интегративностью в конкретном и универсальном аспекте, своим многообразием, своим двойственным смыслом, или, точнее, своим многомыслием, что держит активными все значения – не одно за счет другого (не по принципу элиминации), а все одновременно (это + все остальные). Эта *фразеологическая амфиболия* – гротесковая характеристика. На этой основе можно говорить о внутргротесковой деривативности.

7. Роль фразем в гротесковом творчестве польского писателя бросает свет на ряд новых явлений во фразеологии и в процессах фразеологической деривации: фразеологический синкретизм, фразеологическую метафоризацию, ре-метафоризацию, метафорическую градацию, метафорическую надстройку, перформатив-

7 Профессор

Блев...

Принц

Очень метко вы сказали! Я как раз то же самое собирался сказать, профессор! [O, 260]

ную фразематику, фразеологическую экстензию; гротесковую неофразему, гротесковый фразеогенез, фразеологическую транссемантизацию, фразеологическую амфиологию (энантио-семию).

8. Гротесковый фразеогенез не есть случайное и беспочвенное явление. У него свои корни в языке. Многозначность при фразеологизмах, плод повторного переосмысления образа, подготавливает почву для гротесковых трансформаций.

9. Гротесковое изображение является подходящим иллюстративным материалом для современного процесса усиленной дезинтеграции фразеологических выражений (как и для их креативной рефразеологизации), а она, со своей стороны, облегчает восприятие и толкование гротеска.

10. Фразеологизмы в гротесковом панно обогащают и развивают как представление о комическом, авторовый идиолект, так и сам язык.

Reference:

1. Gombrovich 1956: Gombrowicz, W. *Ferdurke*. – Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956; сок. F.
2. Gombrovich 1986: Gombrowicz, W. *Operetka, Dzieła, tom IV. Dramaty*. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986, pp. 225–322; сок. O.
3. Gombrovich 1997: Gombrowicz, W. *Bakakaj*. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1997, pp. 61–81; сок. B BHK.
4. Tolkien 1998: Tolkien, D.R.R. *Tajn'ij*

porok [A Secret Vice] V: «Znanie-Sila», No. 6, perev. N. Prohorovoj. – London., 1998., Access mode: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/lection/porok_t.html

1. Levicki 1981: Lewicki, A.M. *Derywacja frazeologiczna – najwyższy współcześnie stopień abstrakcji w poznaniu zasobu frazeologicznego języka*. W: *Pojęcie derywacji w lingwistyce*. Red. J. Bartmiński. – Lublin., 1981, pp. 71–89.

2. Kaldieva-Zaharieva 2013: Kaldieva-Zaharieva, Stefana. *Belgarska frazeologija*. – Sofija., Akademichno izdatelstvo „Prof. Marin Drinov”, 2013.

3. Boguslawski 1989: Bogusławski, A. *Uwagi o pracy nad frazeologią*. W: *Studia z polskiej leksykografii współczesnej*. (red.) Z. Saloni. – Białystok, 1989, pp. 13–31.

4. Butler 1974: Buttler, D. *Polski dowcip językowy*. – Warszawa., PWN, 1973.

5. Pluchennik, Podlavska 2008: Plóciennik, I. Podławska, D. *Słownik wiedzy o języku*. – Warszawa – Bielsko-Biała., Wydawnictwo Szkolne

Эксперпированная литература:

1. Гомбрович 1956: Gombrowicz, W. *Ferdurke*. – Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956; сок. F.
2. Гомбрович 1986: Gombrowicz, W. *Operetka, Dzieła, tom IV. Dramaty*. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986, s. 225–322; сок. O.
3. Гомбрович 1997: Gombrowicz, W. *Bakakaj*. – Kraków., Wydawnictwo

Literackie, 1997, s. 61–81; сок. B BHK.

4. Толкин 1998: Толкин, Д.Р.Р. *Тайный порок*. В: «Знание-Сила», № 6, перев. Н. Прохоровой. – Лондон., 1998., эл. ресурс: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/lection/porok_t.html

Литература:

1. Левицки 1981: Lewicki, A.M. *Derywacja frazeologiczna – najwyższy współcześnie stopień abstrakcji w poznaniu zasobu frazeologicznego języka*. W: *Pojęcie derywacji w lingwistyce*. Red. J. Bartmiński. – Lublin., 1981, s. 71–89.

2. Калдиева-Захаријева 2013: Калдиева-Захаријева, Стефана. *Българска фразеология*. – София., Академично издателство „Проф. Марин Дринов”, 2013.

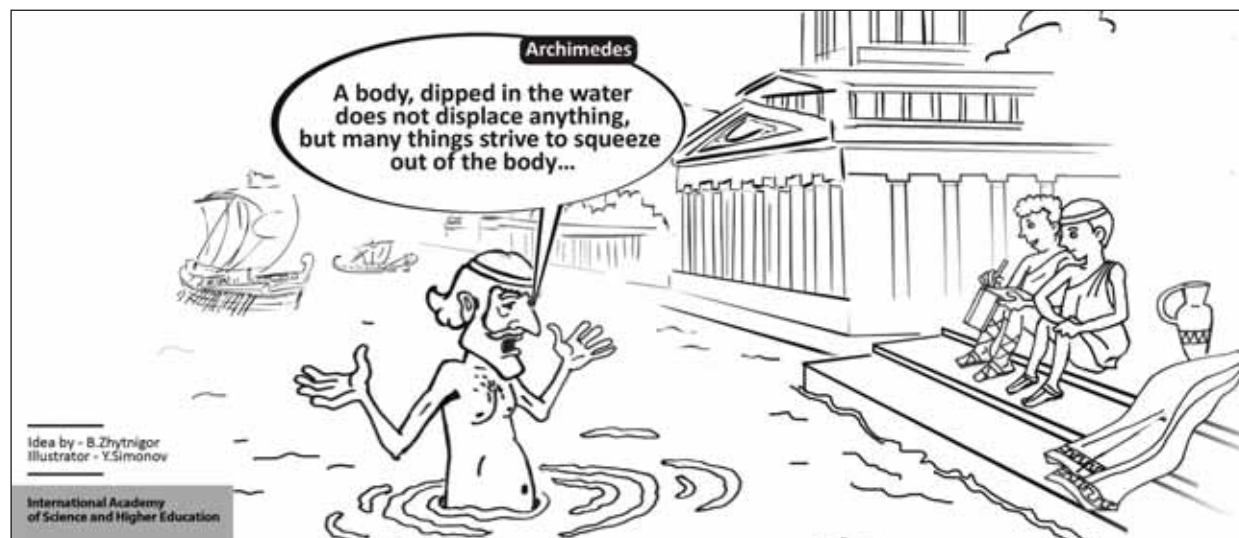
3. Богуславски 1989: Bogusławski, A. *Uwagi o pracy nad frazeologią*. W: *Studia z polskiej leksykografii współczesnej*. (red.) Z. Saloni. – Białystok, 1989, s. 13–31.

4. Бутлер 1974: Buttler, D. *Polski dowcip językowy*. – Warszawa., PWN, 1973.

5. Плученник, Подлавска 2008: Plóciennik, I. Podławska, D. *Słownik wiedzy o języku*. – Warszawa – Bielsko-Biała., Wydawnictwo Szkolne PWN, 2008.

Information about author:

1. Dmitrina Hamze – Assistant, Plovdiv University «Paisii Hilendarski»; address: Bulgaria, Sofia city; e-mail: didiham@abv.bg

RUSSIAN SPEECH ETIQUETTE IN THE STYLISTIC ASPECT

M.A. Balasanyan, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the «Russian Philology» sector at the faculty of Education, Humanities and Social Sciences Samtskhe-Javakheti State University, Georgia

In the last few years a substantial rise of interest to the communication etiquette of the Russian language can be observed not only among the philosophers, but also among sociologists and cultural studies scholars (which is explained by the fact that etiquette is a social phenomenon by its nature). By means of communication etiquette between the communicators the social interaction occurs, which spreads social influence, typical for communication in general (but manifested more conspicuously through the communication etiquette). Social differentiation among the native speakers, their constant status and variable social roles dictate predominantly individual selectivity, and, as a consequence, fixedness of labelled stylistic formulas among the native speaking groups.

Keywords: communication etiquette of the Russian language, sociologists and cultural studies scholars, native speaking groups.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Баласанян М.А., канд. филол. наук, ассоциированный проф., руководитель направления «Русская филология» факультета Просвещения, гуманитарных и социальных наук

Самцхе-Джавахетский государственный университет, Грузия

В последние годы значительный интерес к коммуникационному этикету русского языка наблюдается не только со стороны философов, но также социологов и культурологов (что объясняется тем, что этикет это социальный феномен по своей природе). С помощью коммуникационного этикета между коммуникаторами происходит социальное взаимодействие, которое распространяет социальное влияние, типичное для общения в целом (но проявляющееся более заметно через коммуникационный этикет). Социальная дифференциация среди носителей языка, их неизменный статус и различные социальные роли диктуют преимущественно индивидуальную избирательность и, как следствие, фиксированность размеченных стилистических формул среди групп носителей языков.

Ключевые слова: коммуникативный этикет русского языка, социологи и культурологи, аборигенные группы.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i13.1598>

При помощи речевого этикета происходит социальное взаимодействие коммуникантов и социальное воздействие их друг на друга, характерное для общения вообще, а в речевом этикете проявляющееся особенно ярко. Социальная дифференциация носителей языка, их постоянный социальный статус и переменные социальные роли диктуют преимущественную избирательность единиц, и как следствие, закреплённость за группами носителей языка стилистических маркированных формул.

Рассмотрение речевого этикета в стилистическом аспекте актуально. Достаточно беглого взгляда на синонимические ряды в тематических группах, чтобы заметить межстилевую синонимию – стилистические различия: *Пока и Позвольте отклониться, Здорово и Рад вас приветствовать* и т.п. Одни единицы оказываются стилистически сниженными, другие стилистически повышенными (предпочитаем этот термин в сравнении с “высокий”) относительно соответствующих нейтральных. Важно определить, что лежит в основе стилистической природы единиц речевого этикета. Представляется правомерным искать истоки этой природы в сложном сплетении

причин и следствий как экстра-, так и интралингвистического порядка.

Приступая к социостилистической классификации единиц речевого этикета, необходимо иметь в виду следующий набор взаимодействующих и переплетающихся признаков, определяющих характеристику единицы:

- 1) социолингвистическая характеристика обобщенного адресанта, которому типично свойственна единица речевого этикета.
- 2) социолингвистическая характеристика обобщенного адресата.
- 3) обстановка общения с точки зрения официальности-неофициальности.
- 4) характер взаимоотношений общающихся (предопределяющий тональность общения).
- 5) контактное положение собеседников.
- 6) письменная – устная форма текста.

Для одних единиц важны все из перечисленных признаков, для других пропорциональное влияние одного или нескольких признаков окажется различным.

Исходя из целей нашего исследования, обратимся к конкретному синонимическому ряду в тематической группе “Приветствия”.

В семантическом поле привет-

ствия наиболее употребительной доминантной в синонимическом ряду является единица *Здравствуй (-те)*.

Однако, если исходить из вышеперечисленных стилистических условий-следствий, определяющих природу стилистических коннотации, перед нами две единицы (а не две формы), существенно разные с позиции характеристики адресанта, обстановки общения и т.д.

Здравствуйте сочетается с Вы-формами, применяется либо по отношению к малознакомому, либо к хорошо знакомому в официальной обстановке общения, либо при натянутых отношениях.

Здравствуйте к незнакомому адресату может быть направлено со стороны немаркированного адресата в официальной обстановке при известной адресанту служебной и социальной роли адресата.

Здравствуйте, сочетающееся с ты-формами, имеет обратные характеристики-знак приветствия знакомого, при этом близко знакомого, в неофициальной обстановке общения, при равенстве социального статуса адресата-адресанта в симметричной ситуации или при низшем статусе адресата в ассиметричной ситуации: Вошел Микола в бостоновом костю-

ме: Здравствуй, Здравствуй, Коля, садись. (В.Шукшин).

Следовательно, как бы нейтральная единица *Здравствуй* (-те_, имеющая вторую форму, на самом деле устойчиво закреплена за принципиально разными ситуациями речевого этикета, в частности, и ситуациями общения вообще. Однако, мы не располагаем соответствующей стилистической пометой для разграничения подобных явлений, поэтому сможем прибегнуть лишь к описательному способу представления стилистической характеристики единиц, включая признаки, о которых говорилось выше. В указанном смысле гораздо более нейтральными оказываются не имеющие ты-Вы-форм приветствия: *Добрый день, добрый вечер, доброе утро*, которые активно употребляются благодаря оттенкам значения приветствия в определенное время суток.

Не отменяя собственно стилистических характеристик "нейтральное", "повышенное", "сниженное", в том числе "разговорное", "просторечное", "жаргонное", социолингвистические характеристики конкретизируют коммуникантов, избирающих собственные им и потому маркированные единицы, и обстановку общения, в которой маркированные единицы уместны как признаки, относящиеся в единицах в виде коннотации. Неразрывность, взаимосвязь и взаимовлияние стилистических и социолингвистических примет дают основание к введению характеристик комплексных, социостилистических.

Среди многочисленных стилистических групп русского речевого этикета наше внимание было уделено группе "Приветствия"-Прощания", в которых употребляются компоненты с указанием на время. В этих единицах используются слова с временным значением. Рассмотрим группу "Приветствия". В этой группе используются следующие выражения: *Добрый день, доброе утро, с добрым утром, добрый вечер*.

Встречаются интересующие нас конструкции в тематической группе речевого этикета "Прощания" и "Пожелания при прощании".

В группе "Прощания": До свидания, прощай(-те), всего хорошего!

Всего доброго! До встречи! До скорой встречи! До завтра! До воскресенья! До вечера! До праздника! До лета! До трех.

В группе "Пожелания при прощании" - Спокойной ночи, Доброй ночи, В добрый час.

Необходимо также выделить и употребление с временным значением выражения "Поздравления" и "Пожелания".

В группе "Поздравления": С праздником! С Новым годом! С днем рождения! Примите мои поздравления+с+сущ. в твор.пад.

В группе "Пожелания": Долгих лет жизни, Многих лет жизни.

Таким образом, оттенок значения в речевом этикете выявляет дополнительные семы наряду с общими для всех единиц ряда (До завтра-указание срока разлуки, Прощай-расставание надолго или навсегда и т.п.).

Адресант и адресат – постоянные и переменные социальные признаки коммуникантов, преимущественно и регулярно избирающих формулы. В этих случаях релевантные: а)возраст, образованность, воспитанность, жителство в городе, деревне, пол и др., б)начальник-подчиненный, учитель-ученик, родитель-ребенок и т.д.

В отношениях адресант-адресат важно учитывать понятие симметрии-асимметрии ситуации общения как равенства-неравенства коммуникантов. Нарушение принятого в поведении и узуального в речи ведет к противоположному понятию этикета, разрушению вежливого общения, созданию грубости (намеренной или ненамеренной), к разрушению контакта вообще.

Официальность-неофициальность обстановки общения.

- Официальность.

а) собственно официальная обстановка с соблюдением правил речевого поведения, предполагаемой деловой сферой (собрание, заседание и т.д.): Уважаемые товарищи! Разрешите мне от имени . . . и т.п.,

б) официально-нейтральная обиходная обстановка.

Коммуникантам известны социальные роли адресата и адресанта: продавец-покупатель, администратор гостиницы-командированный, парикмахер-клиент, кассир-покупатель

билета и т.д. Перевес обиходности приводит к обращению типа *Девушка*, перевес к официальности-к обращению типа *Товарищ кассир*.

в) торжественная обстановка (типа юбилея) вызывает к жизни высокие единицы, торжественно-риторические-повышенно вежливые, гиперболизированные выражения благодарности, поздравления, пожелания, комплиментов и т.п.

2. Неофициальность обстановки общения ведет к необязательности "протокольных" правил речевого поведения, приводит к использованию, наряду с нейтральными, сниженных единиц, (обстановка дружеского и семейного общения).

Ты-Вы-общение и ты-Вы формы. Этот компонент связан как с обстановкой общения, так и с тональностью общения и концентрирует в себе целую гамму взаимоотношений общающихся.

Единицы, обладающие соответствующими формами, требуют рассмотрения как отдельные, с самостоятельными социолингвистическими признаками (*Здравствуй-Здравствуйте*).

Тональность общения более всего зависит от характера взаимоотношений общающихся и обстановки общения и связана с экспрессивно-стилистической градацией единиц.

1) немаркированная тональность, нейтральная, "нулевая" -в нейтральной обстановке общения, при нейтральных взаимоотношениях коммуникантов (*Добрый день, Спасибо, Извините* и т.п.)

2) тональность выше нейтральной имеет положительные (подчеркнуто уважительная, торжественная и т.п.) оценки как присущие языковым единицам коннотация и отрицательные оценки ("холодная", натянутая и т.д.) как языковые потенциалы единиц, более проявляющихся в речевом употреблении: Позвольте поблагодарить, Разрешите откланяться и др.,

3) тональность ниже нейтральной имеет как положительные оценки (интимно-доверительная, дружеская, ласковая и т.п.), так и отрицательные (фамильярно-грубоватая, шутивно-ироническая и т.п.): Привет, Всего, Пока, Здорово и т.п.

Экспрессивно-стилистическая характеристика единиц вбирает в себя предыдущие признаки и дает обобщенное представление о природе единицы:

1) нейтрально-неизбирательное по отношению к адресанту и адресату и к обстановке общения и “нулевое” с точки зрения тональности;

2) стилистически повышенное-избирательное относительно адресанта образованного, воспитанного, может быть, жителя города (но не обязательно), может быть, представителя старшего поколения (но не обязательно), адресата симметричного и выше; обстановки общения официальной; Вы-форма общения, тональность выше нейтральной.

3) стилистически сниженное – избирательное относительно адресанта,

может быть, недостаточно образованного (воспитанного), может быть, жителя деревни (но не обязательно); адресата симметричного и ниже; тональности ниже нейтральной.

Таким образом, в этих элементах речевого этикета свое выражение нашли типологические основы создания русской языковой картины, так как они передают определенное взаимоотношение человека с окружающим миром.

References:

1. Akishina A.A., Formanovskaja N.I. *Jetiket russkogo pis'ma* [Etiquette of the Russian letter]. - Moskva., 1981.

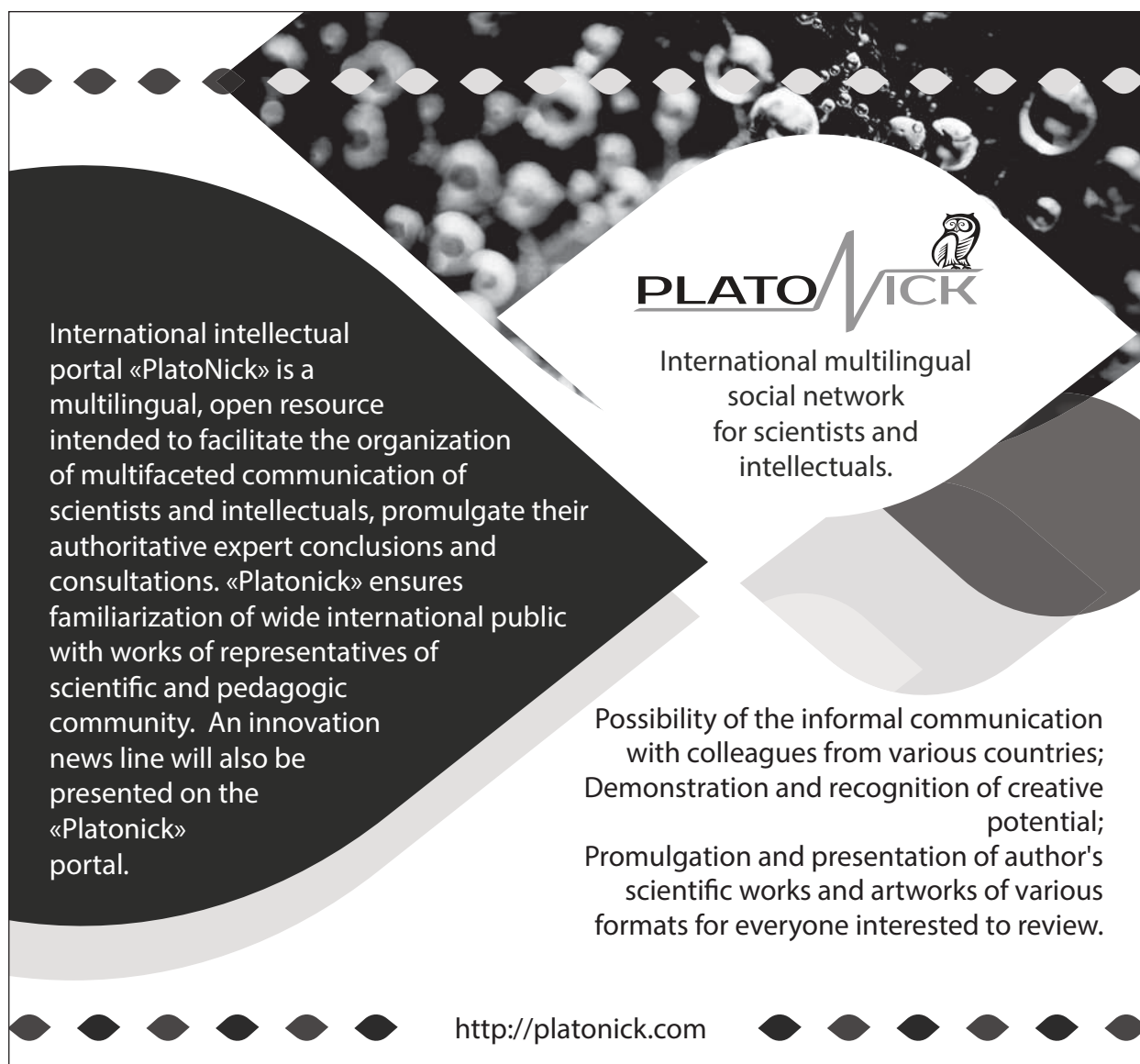
2. Akishina A.A., Formanovskaja N.I. *Russkij rechevoj jetiket* [Russian Speech Etiquette]. - Moskva., 1983.

3. Beljanin V.P., Butenko I.A. *Zhivaja rech': Slovar' sovremennyh razgovornyh vyrazhenij* [Live speech: dictionary of modern colloquialisms]. – Moskva., 1994.

4. Formanovskaja N.I. *Russkij rechevoj jetiket: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty* [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects]. - Moskva., 1982.

Information about author:

1. Mariana Balasanyan – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of «Russian Philology» of Educational faculty of Humanities and Social Sciences, Samtskhe-Javakhet State University; address: Georgia, Akhaltsikhe city; e-mail: amadan1@rambler.ru

International intellectual portal «PlatoNick» is a multilingual, open resource intended to facilitate the organization of multifaceted communication of scientists and intellectuals, promulgate their authoritative expert conclusions and consultations. «Platonick» ensures familiarization of wide international public with works of representatives of scientific and pedagogic community. An innovation news line will also be presented on the «Platonick» portal.

PLATO/NICK

International multilingual social network for scientists and intellectuals.

Possibility of the informal communication with colleagues from various countries; Demonstration and recognition of creative potential; Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.

<http://platonick.com>

SHARING METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT AN ELEMENTARY LEVEL

N. Khinchagashvili, Full Professor
Gori State University, Georgia

The author reflects on the experience of teaching Russian as a foreign language at a private school. The author develops some innovative methods of teaching vocabulary and offers new ways of perfecting the vocabulary skills at the initial level of teaching Russian.

Keywords: vocabulary activization, vocabulary topics, vocabulary excercises, active-communicative method.

Conference participant

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i13.1599>

Searching for new ways of teaching foreign languages more effectively has been a serious problem in Georgia because of the following reason: the processes of globalization in the modern world have opened new possibilities for population as to mobility and communication across the globe. This has made it critical to find new methods and approaches for teaching foreign languages. This is true about the Russian language as well, which has gone through a transformation process in Georgia from its previous status after the fall of the Soviet Union. Almost two decades after the fall of the Soviet Empire there is an obvious distancing in Georgia from the Russian language and the Russian culture. Under these circumstances in the country, the question of learning Russian as a foreign language has assumed a new reality of urgency: it has become of paramount importance to create a structure of the Russian language courses and a course of the Russian area studies, to open private schools with intensive Russian courses (in compliance with the new tendencies of the Western European system of education, parallel with state educational institutions there are private schools functioning in Georgia, which have been affected by the process of education system realignment in the country). Methods and techniques of teaching Russian as a foreign language are still in the formative process in the country. These methods are being test-piloted at the educational centre "Russian School" in the town of Gori (Georgia). In this context, we think that sharing this teaching experience will be of interest to our colleague-practitioners.

One of the main problems for the teachers of the centre was developing methods for teaching vocabulary at an elementary level, because vocabulary is an essential part of all language

activities, and building up vocabulary skills is the main goal of teaching any foreign language. Teaching vocabulary at an elementary level of language learning has practical implications. At this level a student must be able to cope with standard everyday situations, establish and maintain interpersonal contacts, have command of standard language skills.

The main goal of teaching vocabulary at an elementary level is formation of permanent skills for correct usage of vocabulary units. As known, vocabulary units are words, word collocations, and clichés. These units should be used as well as recognized during the regular conversation flow.

Hence, it is possible to successfully use acquired vocabulary skills when a learner knows the meaning of a word, its phonetic sound and graphical form, rules of usage and possibilities of word formations of the given word.

During the vocabulary skill formation process, it is important to determine the number of vocabulary units that is possible to introduce within a single thirty-minute lesson. From the point of view of psychologists, the number of units that can be introduced during initial lessons can be 20 to 25 and may vary onwards, depending on the level of difficulty of mastering the new vocabulary.

At the elementary level of learning the Russian vocabulary, learners may encounter certain difficulties related to coincidences, or discrepancies of the meaning of words, structure of words and other factors in the native language and the foreign language. Therefore, it is equally important to methodically and intelligently arrange the language material and group the vocabulary according to the types of difficulty of mastering certain units.

According to the point of view of

many language methodists and teachers-practitioners working in the field of teaching Russian as a foreign language, teaching vocabulary at the elementary level should be based on the following topics:

1. Working on grammar topics – verb tenses, verbs of movement, ownership, state, prepositions with cases, prepositions of space and time, linkers and linking words.

2. Working on vocabulary topics – family, house (furniture and room), quality and characteristics, big vs small, many vs few, counting from 1 to 100, human body, animals, fruits and vegetables, berries, colors of objects, dishes, clothes, food, store, plants, transport, town/street/village, nature, weather, time of year, day and night, entertainments and celebrations, music, sports, school/university, travelling, at a doctor's/at an ambulatory, professions.

As we can see, the number of vocabulary units that needs to be taught is quite large. Therefore, the process of forming vocabulary skills at the Russian language lessons has three stages: presenting the new material, exercises/drills and consolidation/usage.

Let us have a look at the process of working on vocabulary through different stages.

1. New material may be introduced with the help of different methods:

- In an audio-text;
- In a ready-made conversation;
- In individual sentences;
- In a list of words;
- In a text;
- In the process of teaching pronunciation.

2. The teaching stage is carried out with the help of exercises. Goal – consolidation of the new vocabulary and word collocations, formed on the bases of lexical agreement of the components. All

training exercises can be divided into two groups:

A. The exercises focused on remembering the vocabulary, their semantics together with grammar and pronunciation forms. The following are the assignments related to this particular type of exercises:

- Name items on a picture or a photo;
- Select a word from the group of words that corresponds to the given situation (topic);
- Exclude a word from the group of words that does not correspond to the given situation;
- Make up a sentence with the use of the outlined word; use the given example;
- Insert synonyms instead of the underlined words;
- Insert antonyms instead of the underlined words;
- Answer the questions using the given word, and etc.

B. Exercises focused on developing skills to form word collocations.

At this level of teaching one may use some game elements. Following assignments may be given:

Name as many words as possible on the following topic....;

Name a word which would be logical in this case;

Construct a word collocation from the mixed up words.

3. On the final stage students must use the new words in expressions, dialogues and monologues, understand an audio-text, and words in a reading text. The work content at this stage is made up of conditional-speech, situational and contextual exercises in the lexical direction.

Hence, teaching vocabulary at the elementary level should involve the development of permanent skills in using certain vocabulary units in speech, and coping with different practical assignments for everyday social interactions.

One cannot ignore a huge role that songs, funny rhymes and creative reading of children's rhymes in Russian play in developing the vocabulary skills and correct pronunciation in pre-school and elementary school-level children. When using these methods of teaching, it would be better if the teacher developed the listening skill (from the very first lessons).

While teaching verses, songs and rhymes through listening, it is necessary to use the following algorithms of teaching:

1. Listening while using visuals;
2. Looking for familiar words;
3. Working on new words (repeating as a class and individually);
4. Answering questions;
5. Repeating texts as a class;
6. Individual performance.

Such sequence of work simultaneously activates listening perception and thinking activity, which makes it possible to remember a verse or a song more consciously. Connections are made between a word and an object, a phrase and an action. Skills in explaining something in a foreign language are formed, which helps to overcome a language barrier in future. It is the language barrier that makes it problematic to master a foreign language.

A leading type of activity, as demonstrated by teachers' experience, is playing language games. Elements of game suitable for different age groups are of course different from each other. At the elementary and pre-school levels one can introduce word games, didactic games, movement games, musical, finger-puppets, role-plays, games-dramatizations. All of these games are suitable to activate vocabulary. However, the greater variety of the above-mentioned games a teacher combines, the more successful will the result be.

At the beginner's level of teaching Russian as a foreign language to adults, the format of lessons and the content of games are different. Solving of the educational assignments is conducted in the language, conditional-speech and speaking exercises but with assistance. In the methods of language teaching such exercises are divided into imitation, substitution, transformation and combination exercises, and as for the purposes of receiving information – exercises are divided into receptive, receptive-reproductive and productive.

Availability of communicative assignments in game forms is the distinctive feature of all exercises. Oral communication exercise, which aims at reproduction, contains an example of how to complete the exercise. Imitational exercises represent the core of the first

stage of the exercise complex. Individual vocabulary units and clichés, accepted as singular speech units are mastered.

Let's sum up:

Goal of the 1st stage: building up the thematically organized vocabulary.

Goals of the 2nd stage: formation, automation and transferring of vocabulary skills to new language-learning situations.

In the beginning, substitution exercises, and then – exercises related to transformation of the language model are done.

And finally, goals of the 3rd stage: mastering the language skills in conditional-speech and speaking exercises based on an object, a photo, a picture, or a situation. Communication exercise for this stage is a role-play under unknown circumstances. This type of exercise aims at developing a skill which makes it possible to cope with a communication assignment by pulling out the existing language resources.

References:

1. Zinov'eva E.I. Osnovnye problemy opisanija leksiki v aspekte russkogo jazyka kak inostrannogo [The main problems of description of the vocabulary in the aspect of Russian as a foreign language]. – Saint Petersburg, 2005
2. Lebedinskij S.I., Gerbik L.F. Metodika prepodavaniya russkogo jazyka kak inostrannogo. Uchebnoe posobie [Methodology of teaching Russian as a foreign language] – Minsk., 2011
3. Russkij jazyk kak inostrannyj. Metodika obuchenija russkomu jazyku [Russian as a foreign language. Methods of teaching the Russian language]., pod red. I.P. Lysakovej. – Moscow, 2004.
4. Fedotova, N.L. Metodika prepodavaniya russkogo jazyka kak inostrannogo (prakticheskij kurs) [Methodology of teaching Russian as a foreign language (practical course)]. – Saint Petersburg., 2013.
5. Shhukin A.N. Obuchenie inostrannym jazykam: Teorija i praktika: Uchebnoe posobie dlja prepodavatelej i studentov [Teaching foreign languages: Theory and practice: A textbook for teachers and students], Issue 2, ispr. i dop. [Amended and extended]. – Moscow, 2006.

Литература:

1. Зиновьева Е.И. Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного. – СПб., 2005

2. Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. Учебное пособие. – Мн., 2011

3. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку., под ред. И.П. Лысаковой. – М., 2004.

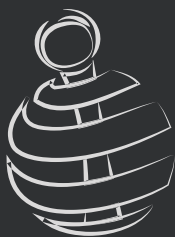
4. Федотова, Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс). – СПб., 2013.

5. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и

практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов., 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006.

Information about author:

1. Natela Khinchagashvili – Doctor of Philology, Full Professor, Gori State University, address: Georgia, Gori -city; e-mail: natela.svetlana@gmail.com

**INTERNATIONAL
ACADEMY**
OF INTELLECT AND QUALITATIVE PROGRESS

ACCREDITATION

- ◆ Authoritative accreditation
- ◆ Procedural accreditation
- ◆ Status accreditation
- ◆ Membership accreditation
- ◆ Expert accreditation

CERTIFICATION «ICSQ-775»

- ◆ Standart certification
- ◆ Operative certification

PATENTING IOSCEAAD-775

- ◆ Standart patenting
- ◆ Operative patenting

<http://academy.iuci.eu>

FORM OF A PRACTICAL CLASS ON THE SUBJECT «EAST IN LIFE AND CREATIVITY OF A.I. KUPRIN»

N.Sh. Khinchagashvili, Full Professor
Gori State University, Georgia

The author considers the form of practical classes on the history of Russian literature in the context of modern requirements to their organisation in higher education. An attempt is made to trace the reflection of the Eastern mentality in works by A. Kuprin.

Keywords: practical class, Islam, mentality, oriental roots, spiritual values.

Conference participant

ФОРМА ПРАКТИЧЕСКОГО ЗАНЯТИЯ НА ТЕМУ «ВОСТОК В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.И. КУПРИНА»

Хинчагашвили Н.Ш., проф.
Горийский государственный университет, Грузия

В статье рассматривается форма практического занятия по истории русской литературы в контексте современных требований к их организации в высшей школе, сделана попытка проследить отражение восточного менталитета в творчестве А. Куприна.

Ключевые слова: практическое занятие, ислам, ментальность, восточные корни, духовные ценности.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i13.1600>

Цель нашей работы – представить форму практического занятия по истории русской литературы в контексте современных требований к их организации в высшей школе.

Как известно, одной из форм обучения и управления познавательной деятельностью студентов, наряду с лекцией, являются практические занятия (семинары, просеминары, лабораторные работы, практикумы), направленные на расширение и детализацию знаний, на выработку и закрепление навыков профессиональной деятельности. Подготовка к практическим занятиям не может ограничиться слушанием лекций, а предполагает предварительную самостоятельную работу студентов в соответствии с методическими разработками по каждой запланированной теме.

Необходимость разработки учебника по истории русской литературы и новой формы практических занятий по истории русской литературы возникла давно и является постоянной темой научно-практических конференций русистов. Злободневная тема и в Грузии. При разработке формы ПЗ в группах, где русская литература является иностранной, мы учли следующие особенности:

1. Структуру практических занятий (вступление преподавателя; ответы на вопросы студентов по неясному материалу; практическая часть как плановая; заключительное слово преподавателя;

2. Логическую связь ПЗ с лекционной информационной частью;

3. Самостоятельную работу (тренировочную, реконструктивную, творческую) – планируемую работу студентов, выполняемую по заданию и при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия. Особое внимание нами было уделено заранее составленному сочетанию проблемных и информационных вопросов, с помощью которых преподаватель может развивать индивидуальные особенности студента. Конкретно, с помощью тщательно продуманной системы вопросов мы попытались:

- указать на искомую задачу и область поиска в проблемной ситуации;
- отделить известное от неизвестного;
- поставить это неизвестное на структурное место цели познавательной деятельности студентов;
- вовлечь студента в общение, в совместную с преподавателем и группой мыслительную деятельность по нахождению решения познавательной задачи.

Ниже мы приводим образец плана практического занятия на конкретную тему – «Восток в жизни и творчестве А.И. Куприна»

1. Материал к занятию. Культурный взаимообмен между Россией и Востоком отмечается еще с XV века. С XVIII века Восток стал неотъемлемой темой творчества многих русских писателей. В первой половине XIX века интерес к Востоку расширился и углубился.

Интерес к исламу проявился в тематике художественных произведений, содержащих смысл и символику понятий исламской религии и мифологии, слов из арабского, персидского, турецкого языков; в названиях восточных городов, имен, предметов быта, одежды.

Вопросы:

а. По какой причине в культуре начала XX века ориентальная тема стала одной из устойчивых?

б. В каких жанрах русской литературы отразился интерес к ориенталистике?

Задание. Обоснуйте свои ответы в письменном виде на примере творчества Д.С. Мережковского, А. Блока, К.Д. Бальмонта, А. Белого, Н.С. Гумилёва, И.А. Бунина).

2. Материал к занятию. Духом восточной культуры проникнуто и творчество А.И. Куприна. В этой связи проза писателя является благодатной почвой для изучения идейно-художественной позиции в области литературной межэтнической проблематики.

Вопрос: Какие внешние и внутренние факторы способствовали появлению восточных мотивов в творчестве Куприна?

Задание. Обоснуйте свои ответы в письменном виде на основании биографических данных писателя.

3. Материал к занятию. Общеизвестно, что мать писателя – Л.А. Кулунчакова была потомком рода татарских князей.

Вопрос: Оставило ли след в жиз-

ни и творчестве писателя мусульманское происхождение матери?

Задание. Прочитайте повесть А. Куприна «Юнкера». Перескажите коллизии отношений главного героя с матерью. Насколько они автобиографичны?

4. Материал к занятию. Восточные религиозно-нравственные представления, мусульманская вера – нередкая тема творчества Куприна.

Вопрос: Что сформировало мировоззренческую ориентацию Куприна на восточный фольклор?

Задание. Прочитайте легенды «Аль-Исса», «Кисмет», «Демир-Кая», «Суламифь». Какие морально-этические взгляды иллюстрирует в них писатель? Обоснуйте свои ответы в письменном виде, используйте цитатный материал из текстов.

5. Материал к занятию. Генетическая привязанность Куприна к Востоку отражается в его произведениях в проявлении особой любви к лошадям. Образ лошади встречается в произведениях разных лет («Изумруд», «Пегие лошади», «Последние рыцари»). «У меня любовь к лошадям в крови от татарских предков», – писал А. Куприн.

Вопрос: Какие морально-этические взгляды иллюстрирует в выше названных рассказах писатель?

Задание. Прочитайте рассказы. Обоснуйте свои ответы на вопрос письменном виде, используйте цитатный материал из текстов.

6. Материал к занятию. А. Куприн унаследовал восточные черты внешности – невысокий рост, крепкое телосложение, узкий разрез глаз, взрывной характер, острое обоняние.

Задание. Прочитайте воспоминания И.А. Бунина о Куприне. Найдите в тексте отрывки, описывающие восточную внешность А. Куприна. При ответе используйте цитатный материал из текста.

7. Материал к занятию. Особое место в творчестве Куприна уделено образам мусульман (татар), всегда позитивно отраженным писателем: денщик Гайнан («Дознание»), солдаты Мухаммет Байгузин («Дознание») и Камафутдинов («Ночная

смена»), бесстрашный сотрудник зоопарка Мемет Камафутдинов («Слоновья прогулка»), владелец кофейни «Ылдыз» Ибрагим, всегда предоставляющий ночной кров всем городским нищим («Белый пудель»). Гуманизм и демократизм А.Куприна в этих рассказах проявился, прежде всего, в протесте против социальной несправедливости по отношению к «маленькому человеку».

Вопросы:

а. Как продолжил тему «маленького человека» в своем творчестве А. Куприн?

б. Что нового внес писатель в развитие этой темы?

в. Какие чувства у вас вызывает «маленький человек» А. Куприна?

Задание. Напишите эссе на тему «Каждый человек имеет право на сочувствие и сострадание...»

Обобщающее задание.

1. Составьте аннотированную библиографию научных публикаций и электронных источников информации за последние пять лет на заданную тему.

2. Подготовьте реферат на одну из предложенных тем (по выбору студента):

- Мир Востока в новеллистике А. Куприна
- Мир униженных и оскорбленных в творчестве А. Куприна.
- Восточные ценности в произведениях А. Куприна.
- Чем обогатили мой мир «восточные» рассказы А. Куприна.

3. По завершении практического занятия студентам предлагается раздаточный материал «А.Куприн в воспоминаниях современников» – ксерокопии выдержек:

- С. Фрид. «У А.И. Куприна».
- Воспоминания И.А. Бунина о Куприне.
- Н.Я. Рошин «Мой Куприн»
- А. Седых «Далёкие, близкие».
- М.К. Куприна – Иорданская «Годы молодости»

Задание. Ознакомьтесь с материалом, законспектируйте статьи.

В заключение нам хотелось бы выразить надежду на то, что наши

разработки окажутся интересными как преподавателям и студентам, так и широкому кругу лиц, интересующихся вопросами межкультурного диалога.

References:

1. Kuprin A.I. Sobr. Soch. v 9 tt. T. 8 [Collection of Works in 9 volumes, Vol. 8]. - Moskva, 1973
2. Bunin I.A. Kuprin. – Bunin I.A., Sobr soch. v 9-ti tt. [Collection of Works in 9 volumes] - Moscow., 1967, Vol. 9.
3. Roshhin N.Ja. My Kuprin. - Moskva., 1999. No. 8
4. Hinchagashvili N. Vostochnye legendy v kontekste tvorчества A.I. Kuprina. V mezhdunarodnyj simpozium «Sovremennye problemy literaturovedeniya» [Eastern legends in the context of works by A.I. Kuprin. V International Symposium «Current Problems of Literary Studies»], Literaturnyj Institut Gruzii, Tbilisskij gosudarstvennyj universitet im. I. Dzhavahishvili [Literary Institute of Georgia, Tbilisi State University. I. Javakhishvili]. - Tbilisi., 2011

Литература:

1. Куприн А.И. Собр. Соч. в 9 тт. Т.8. - Москва, 1973
2. Бунин И.А. Куприн. – Бунин И.А., Собр соч. в 9-ти тт. – М., 1967, Т. 9.
3. Рошин Н.Я. Мой Куприн. - Москва. 1999. № 8
4. Хинчагашвили Н. Восточные легенды в контексте творчества А.И. Куприна. V международный симпозиум «Современные проблемы литературоведения», Литературный Институт Грузии, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили. - Тб., 2011

Information about author:

1. Natela Khinchagashvili - Doctor of Philology, Full Professor, Gori State University, address: Georgia, Gori-city; e-mail: natela.svetlana@gmail.com

PECULIARITIES OF THE BRITISH NEWSPAPER DISCOURSE (BASED ON THE MATERIALS OF 2015)

O.A. Zhulavska, Candidate of Philology, Associate Professor
M. Vetoshkina, Student
Sumy State University, Ukraine

The author's intention was to consider the lexical-semantic and grammatical characteristics of the newspaper discourse of Britain.

Keywords: discourse, newspaper discourse, lexis, grammar.

Conference participant

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i13.1601>

The relevance of the chosen topic is predetermined by that fact that in modern world mass media – newspapers particularly – shape public opinion and create the general world-building. The conclusions the reader will make after reading an article depend on the way the information is presented. The information provided to a recipient can influence his/her consciousness and thoughts. That's why it is important to analyze, verify and investigate the contents; it's necessary to know which language, stylistic and grammatical methods are used by journalists while writing articles.

The objective of the research lies in defining the concept of "newspaper discourse", lexical and grammatical characteristics of the British newspaper discourse, communication-information features of the British newspaper discourse and examination of specific features of writing the articles by the authors of the British online-editions.

While performing the research it's important to fulfil the following necessary tasks:

- 1) to define the concept of "discourse";
- 2) to define features of the newspaper discourse;
- 3) to analyze lexical and grammatical characteristics of the British newspaper discourse.

The subject area of the research is the concept of the newspaper discourse in general and British newspaper discourse in particular.

The specific topic is general lexical and grammatical characteristics of the newspaper discourse and also features of the British newspaper discourse from the lexical and grammatical points of view.

Nowadays mass media gains

global development and is not only the method for provision of information, but also a powerful tool to exert influence on masses of people. That's why the interest to the concept of the "newspaper discourse" increases. In order to define characteristics of the newspaper discourse, it is necessary to define the concept of "discourse". The concept of "discourse" derives from the Latin word "*discursus*" which means "thinking, speech". "Discursive" means "performed by means of logical thinking" [1, p. 284]. More than two thousand years this concept has been used in the meaning of "thinking" and "dialogue", but as a linguistic term it has been since 50-s of the 20th century after publication of the article "Analysis of the Discourse" by the American linguist Z. Harris. Many linguists studied the concept of discourse. That's why this concept is large; it is used in different meanings and can be met in numerous linguistic editions. Sometimes approaches to defining this concept are even opposite. At the same time the concept of discourse is one of the most complicated in the sphere of modern philological research. Generality of the definition effaces the conceptual boundaries of the given term and every linguist describes this phenomenon in his own way. The concept of discourse is associated with all factors concerning communication in the society, rules and standards of communication, methods of expression and embodiment of the pragmatic purpose of speakers. Discourse is also taken as the expression of cultural communication, ethnocultural characteristics of communication, and cultural historic features of communication. It is formed under the influence of cognitive, linguistic, social and cultural factors [2, p. 1].

M. Stubbs distinguishes the main three characteristics of the discourse: 1) actually it is a linguistic unit which is bigger than a sentence; 2) discourse is concerned with the using of language in a social context; 3) discourse is interactive, i.e. dialogical.

M.L. Makarov defines formal, functional and contextual interpretation as the main ideas for solving the problem concerning the definition of the concept of "discourse". Such interpretation of the discourse has something in common with the approaches by M. Stubbs. According to the interpretation of the scientist A.P. Chudynov, discourse is quite an extended and catch-all concept which includes such not equivalent components as text and speech [4, p. 191]. Some modern scientists, particularly H. Pocheptsov, R. Hodge, G. Kress, think that text and discourse can be viewed by analogy with a sentence and utterance. A sentence is regarded as an ordinary element of the structure, but an utterance combines a sentence and a social context of its usage. A text and discourse duplicate these relations on a higher level.

There are some classifications of discourses. According to V. Karasyk, there are the following subtypes of discourses: scientific, mass media (newspaper, televisional), political, religious, pedagogic, medical, military, law, diplomatic, business, advertising, sport-related discourses etc. [6, p. 286].

The newspaper discourse is a special form of a social activity, the main function of which is extension of ideas, knowledge, artistic values and other information in order to form certain views, ideas and emotional state and affect the behaviour of people (definition by M. Bakhtin). A printed newspaper edition covers the relevant

social problems, plays an important political and ideological role as a method of expression of a social thought [3]. The newspaper discourse has a potential danger of performing mind control [13]. Much attention is given not only to the content, but also to the way material is presented. Newspaper texts also influence the structure of the language system. That's exactly why language is used as a method for influencing the masses of people, because a well-chosen word, phrase or sentence create a certain image or the attitude to the event in the head of a reader, form a thought which was the purpose of the newspaper text [5, p. 6-7]. For instance, it can be brightly illustrated by the title of the article from the popular British online-newspaper "The Guardian". For example:

(1) *«Bankers Think They Have to Behave Badly. Let's Remind Them They're Human»*

(G, Nov 21, 2014)

Perhaps the article is not uncovering the negative sides of bankers, but just criticizes a particular part of their work. But from the first sentence a certain image is starting to form in a reader's mind. Abstraction and generalization methods are used.

The newspaper discourse has its own characteristics which ensure fulfilment of the main communicational functions – informative, functional, cognitive, persuasive, regulative, emotional influence function, etc. [7, p. 235-236]. For instance, lexis of the newspaper discourse is neutral; it has not so many terms and is not so specific. The newspaper discourse is a special creative form of expressing thoughts, because it plays the role of the "recorder" of public thoughts and is able to appear in the centre of the stage very quickly. The other features of the newspaper discourse are unboundedness from the territorial point of view, popularity and topicality in the society, extensive expression of thoughts, regularity and mass nature (a constant renewal of news, appearance of new articles of different topics, popularity in the society), economy of words in expression of thoughts (it distinguishes a publicistic text from the literary one, where a reader can see bright extensive descriptions full of tropes aimed at satisfying a reader

aesthetically). Publicistic writings are less emotional and imaginative; the fact itself is emphasized in them - not figurativeness and artistry of expression. In the case of the newspaper discourse the author's intention is to impress a recipient and this is done with the help of stylistic and linguistic methods.

Great Britain is the country with a great history of journalism. It has fully informative press. The British newspaper discourse has certain features which distinguish it from the newspaper discourse of other countries. It has its own characteristics concerning compositional linguistic arrangement of messages which provide realization of the communicative sense.

As a first step let's analyze titles. The titles of the researched British online-editions are laconic and catch the interest of a reader immediately. Among lexical features of the titles it is possible to point out the use of proper names and abbreviations. For example:

(2) *George Osborne says NWA concert was his favourite ever show*

(I, Oct 4, 2015)

Using proper names of institutions, names of famous people and well known abbreviations in the titles helps a reader to form an association line, because the certain name strikes a chord of a reader's memory and associations.

The newspaper discourse is full of evaluative lexis. It dominates in the newspaper articles. An article is an independent statement of an author, he/she meditates, shares his/her opinions and emotions with readers, calls on the mind and feelings of a reader. Of course there are certain boundaries and standards which the author should follow. But anyway, the evaluative lexis is represented so bright in the newspaper articles. Such a lexis is characterized by using colloquial words, idioms like "I think", "I believe", "You can subscribe to my opinion or not, but...", "From a personal perspective..." etc. The words having positive or negative meaning are also used. It depends on the author's intention concerning his article. For example:

(3) *Here's what I think you should know before starting university*

(G, Sep 2, 2015)

With the help of the evaluative lexis

the author tries to get closer to a reader, erase boundaries and restrains between them, and address a reader directly. In the article above the author gives some pieces of advice telling a reader what life style should a student have in order to save his/her nerves and health. The article is written in lay terms, it is not overloaded with terms and complicated sentences. The article is divided into small paragraphs. One paragraph is one tip. That's why it is comfortable to read the article; a reader can remember the information without effort.

Titles are also full of tropes, especially of hyperboles. To raise the reader's interest, emphasize vigour, solemnity and immensity of the event, this trope is used so often. Titles are frequently provocative. The article can cover this or that event not so critically and sharply. But the title can be shocking. For example:

(4) *How my son got nineteen years for a knifing he didn't commit*

(I, Oct 3, 2015)

Set phrases like *turn up*, *take off*, *sign up* etc. are used in the titles extensively. For example:

(5) *Father of Oregon shooter calls for overhaul of US guns laws*

(I, Oct 4, 2015)

One of the characteristics of the British newspaper discourse is also handling of scientific, sport, music military and others terms in transferred use. This feature appeals to associative thinking of a reader, emphasizing solemnity and significance. For example:

(6) *Roisin Murphy review – bombardment by beats, bass and lights*

(G, May 14, 2015)

The word "bombardment" is a military term which means "gunning, bombing". This word is used in the title to emphasize immensity and dynamism of the given event – the concert of the singer Roisin Murphy. Sound and lighting effects are compared with the real attack of dynamism and energy on a reader. The author lays stress on the immensity of the event, vigour of the singer, drive of musicians.

In speaking of the text of the British newspaper articles, it's necessary to note that it is full of expressional elements. Authors try to impress a reader by means of puns, phraseologies, colloquial

elements and truckstop words. For example:

(7) *Ashcroft's revelations are pig in a poke*

(G, Sep 27, 2015)

The grammatical characteristics of the British newspaper texts include: use of sentences distinguished by purpose of the utterance – declarative, interrogative, and imperative (the function of influence on a reader is fulfilled; it is used when it's necessary to persuade a reader, to make him/her take thought). For example:

(8) *One in four women has experienced domestic violence at partner's hands*

(G, Oct 21, 2015)

(9) *Kill your friends: where did it all go wrong for Britpop?*

(I, Oct 25, 2015)

(10) *'Let's cover them in my British citizen flag that I've been living in for 23 years'*

(I, Oct 24, 2015)

The sentences different in their structure are also used: simple (one-member sentences: nominative and verbal, two-member: expanded and unextended sentences), complex (compound sentences: conjunctionless, conjunctive). For example:

(11) *But success depends on finding a suitable location, backers and planning permission*

(G, Oct 25, 2015)

Syntactic expressive means (nominal sentences, enumerations, repetitions, inversions). Titles are represented by content words: nouns, adjectives, cardinal and ordinal numerals, verbs in different aspect and time forms, pronouns, adverbs, modal verbs. For example:

(12) *New Film: "Truth"*

(E, Oct 16, 2015)

(13) *"Twenty-five years on"*

(E, Nov 8, 2014)

Evaluation function is performed with the help of using adjectives which appeal to emotional and intellectual feelings (sensor evaluation), adjectives and their synonyms (absolute evaluation), and adjectives describing practical human activity (rational evaluation). For example:

(14) *The cutest animal ever: melt at the Power of Sloth – in pictures*

(G, Apr 9, 2014)

(15) *Biker saves Skidmarks the*

kitten in the middle of busy Oklahoma crossroad

(G, Oct 21, 2015)

The newspaper discourse plays a great role in a modern world. That very type of discourse invokes not only intellectual, but also emotional feelings of a reader, made him/her take thought, change his/her reflections and make his/her own conclusions. Having analysed the British newspaper discourse from the lexical-semantic and grammatical points of view, one can say that its main characteristics are expressivity, brevity, evaluative character of articles, handling of terms in transferred use. Due to distinct grammatical composition the newspaper articles of the British journalists are interesting and easy to read. Themes of the British newspaper discourse are different and can spark the interest of anybody – student or even pupil, politician and financial analyst.

References:

1. Bilodid I.K. Slovník ukrajin's'koї movi [Ukrainian dictionary]., I.K. Bilodid. – Kijiv., Naukova dumka, 1970., p. 284.
2. Bobrovskaja G.V. Gazetnyj diskurs v problemnom pole kommunikativno pragmaticheskoy lingvistiki [Newspaper discourse in the problem field of communicatively pragmatic linguistics]., G.V. Bobrovskaja., Grani poznaniya [Limits of knowledge]. – 2011., Access mode: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325146149.pdf>.
3. Grushevskaja T.M. Politicheskij gazetnyj diskurs skvoz' prizmu jakzykovyh sredstv [Political newspaper discourse through the prism of linguistic means]., T.M. Grushevskaja, T.B. Samarskaja., Access mode: http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2011_2_16.pdf.
4. Zheltuhina M.R. Funkcii mas-medial'nogo diskursu., Zhanri i tipi tekstu v naukovomu i medijnomu diskursi: Mizhvuzivs'kij zbirnik naukovih robit [Functions of mass media discourse., Genres and types of texts in academic and media discourse: Interuniversity collection of scientific papers] – Issue 5. – Orel, 2007., pp. 191-201.
5. Zhulavs'ka O.O. Aktualizacija konceptu TERORIZM u britans'komu gazetnomu diskursi: avtoref. dis. na

zdobuttja nauk. stupenja kandidata filol. nauk: spec. 10.02.04 "Germans'ki movi" [Actualisation of the concept of terrorism in the British newspaper discourse: Abstract of the Thesis for the Candidate of Philology degree], O.O. Zhulavs'ka. – Harkiv., 2011. – 20 p. <https://doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i9.1256>

6. Karasik V.I. Jazykovoj krug: Lichnost', koncepty, diskurs. [Language circle: personality, concepts, discourse]., Karasik V.I. – Volgograd., Peremena, 2002. – 477 p.

7. Pavlenko V.V. Leksiko-stilistichni osoblivosti materialiv britans'kih gazet [Lexical-stylistic peculiarities of British newspapers]., V.V. Pavlenko., Naukovi zapiski [Scientific notes]. – 2013., No. 37., pp. 235–236.

8. G. = The Guardian. Access mode: <http://www.theguardian.com/international>

9. D.M. = The Daily Mail., Access mode: <http://www.dailymail.co.uk/home/index.html>

10. E. = The Economist. Access mode: <http://www.economist.com/>

11. T. = The Times. Access mode: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/>

12. I. = The Independent. Access mode: <http://www.independent.co.uk/>

13. Tipi diskursiv [The types of discourse]., Access mode: <http://mydocx.ru/3-16573.html>.

Литература:

1. Білодід І.К. Словник української мови., І.К. Білодід. – Київ., Наукова думка, 1970., С. 284.
2. Бобровская Г.В. Газетный дискурс в проблемном поле коммуникативно прагматической лингвистики [Електронний ресурс]., Г.В. Бобровская., Грани познання. – 2011., Режим доступу: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325146149.pdf>.
3. Грушевская Т.М. Политический газетный дискурс сквозь призму языковых средств [Електронний ресурс]., Т.М. Грушевская, Т.Б. Самарская., Режим доступу: http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2011_2_16.pdf.
4. Желтухіна М.Р. Функції мас-медіального дискурсу., Жанри і типи тексту в науковому і медійному дискурсі: Міжвузівський збірник

наукових робіт. - Вип.5. - Орел, 2007., С. 191-201.

5. Жулавська О.О. Актуалізація концепту ТЕРОРИЗМ у британському газетному дискурсі: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови", О.О. Жулавська. – Харків., 2011. – 20 с. <https://doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i9.1256>

6. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс., Карасик В.И. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

7. Павленко В.В. Лексико-

стилістичні особливості матеріалів британських газет / В.В. Павленко., Наукові записки. – 2013., № 37., С. 235–236.

8. G. = The Guardian. Режим доступу: <http://www.theguardian.com/international>

9. D.M. = The Daily Mail., Режим доступу: <http://www.dailymail.co.uk/home/index.html>

10. E. = The Economist. Режим доступу: <http://www.economist.com/>

11. T. = The Times. Режим доступу: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/>

12. I. = The Independent. Режим доступу: <http://www.independent.co.uk/>

13. Типи дискурсів., Режим доступу: <http://mydocx.ru/3-16573.html>

Information about author:

1. Olha Zhulavska – Candidate of Philology, Associate Professor, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy-city; e-mail: zulavskayaolha@gmail.com

2. Maria Vetoshkina – Student, Sumy State University,; address: Ukraine, Sumy-city; e-mail: zulavskayaolha@gmail.com

INTERNATIONAL and OF SCIENCE HIGHER EDUCATION

International Academy of Science and Higher Education (IASHE, London, UK) is a scientific and educational organization that combines sectoral public activities with the implementation of commercial programs designed to promote the development of science and education as well as to create and implement innovations in various spheres of public life.

- Activity of the Academy is concentrated on promoting of the scientific creativity and increasing the significance of the global science through consolidation of the international scientific society, implementation of massive innovational scientific-educational projects
- While carrying out its core activities the Academy also implements effective programs in other areas of social life, directly related to the dynamics of development of civilized international scientific and educational processes in Europe and in global community.
- Issues of the IASHE are distributed across Europe and America, widely presented in catalogues of biggest scientific and public libraries of the United Kingdom.
- Scientific digests of the GISAP project are available for acquaintance and purchase via such world famous book-trading resources as amazon.com and bookdepository.co.uk.

www: <http://iashe.eu> e-mail: office@iashe.eu phone: +44 (20) 71939499

PRINCIPLES AND METHODS OF ANALYSIS OF LINGUO-CULTURAL ARCHETYPES AND STEREOTYPES IN MODERN COMPARATIVISTICS

V. Ageeva, Candidate of Philology, Senior Research Associate

Ju. Bondur, Senior Research Associate

Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy, Ukraine

The principles of analysis of an archetypal concept of FIRE are defined in the paper. Semantic, onomasiological, and functional principles, on the basis of which the complex technique of reconstruction and comparison of motivational signs of its nominators are developed; among them there are those expressing the stereotypical ideas of FIRE in consciousness of English and Ukrainian native speakers.

Keywords: archetypes, stereotypes, concept of FIRE, motivation.

Conference participants

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i13.1602>

Numerous researches were devoted to the impact of language on the conception of the world, which considered not only the appropriateness of formulation of such a question, but the methods of language influence on naive and scientific world [1; 3; 13; 14]. However, no one has yet either disproved this hypothesis or expressed enough convincing arguments in its defence, due to the lack of verification methods. Symbols of a particular language are designed to transmit cultural and national identity of the people and their identification, because their figurative content embodies the cultural and national outlook. But only correlation of the symbol's expressive content with archetypes and stereotypes of national culture and their interpretation in the sphere of material, social or spiritual culture shows us the culturally significant meaning of it. The symbol interpretation act can be done by a native language speaker, and for this reason symbols become linguocultural archetypes and stereotypes. The article is aimed at determining the principles and methods of analysis of linguocultural archetypes and stereotypes in modern Comparativistics.

The word *fire* is one of such linguocultural archetypes and stereotypes that has recently been studied as a mental formation, which is a concept. According to its structure with specific semantics, cultural and symbolic potential the concept of *fire* is an invariant-hyperonym, and the symbols are its immediate implementation (hyponyms). As an element itself *fire* is already considered as an archetype; its invariant-variant structure reflects both ancient, mythological notions representing archaic consciousness

(which form its semantic and conceptual features of archetype), and modern connotations of fire (the stereotypical semantic and conceptual features) characterizing different ethnic cultures. Semantic and conceptual archetypes and stereotypical characteristics of the concept of *fire* can be defined using the following principles: semantic, onomasiological and functional. Semantic principle determines the direction of analysis of the concept of *fire*: from its semantic side to the means (forms) of expression in a particular language. It means that the semantics of language units of *fire* is analysed through the contextual reflection of them in both ancient mythological representations of fire in the native speaker's language and the stereotypical situations associated with the use of fire. Onomasiological principle is focused on the analysis of motivational origins of vocabulary, idiomatic and metaphoric symbols of fire, allowing to reconstruct cultural components (archetypal (mythological, religious, etc.) and stereotypical) and motives transforming the views into the (verbal) form. The functional principle involves the identification of the purpose of the concept of *fire* in a particular ethnic culture, which means its native language speaker's evaluation and finding the ways of transferring of the functional load from the archetypal symbols to the stereotypical ones. The principle of functional CF identity is exclusively correlated with homogeneity of the human factor (the illocutionary intention is focused on achieving the perlocutionary effect).

In order to analyse the concept of *fire* in different languages, we have to use the methods of valid comparison, such as contrastive, comparative historical

and typological methods, based on the above mentioned principles. It is worth noticing that recent comparative linguistics has been increasingly inclined to give the same importance in a research to identifying both distinct and common features, as most clearly distinct features can be displayed through common ones [9, 34]. In this case, it is advisable to show the relationship between typological (universal) and genetic (national and local (areal)) [16, 364-369]. Contrastive research method of archetypal and stereotyped symbolism of fire, for example, in English and Ukrainian languages is aimed primarily to find common and different features in archetypal and stereotyped formulas of fire. Although their magic and ritual functions eventually lost their relevance, changed into expressive, but the logic of designing of formulas and the selection of language signs are subject to the laws of conceptual content verbalization of linguistic signs [1, 293] in these languages. Therefore, it seems reasonable that these laws are largely symmetrical. It is the field where the historical and cultural leitmotiv of transformation of mental structures related to the concept of *fire* into verbal ones may become the most active by means of semantic content of its nominating symbols (options) and adequate means of expression in each of the languages. To reconstruct the external and inner form of the lexeme *fire* and the Ukrainian lexeme *vogon'*, and lexemes with the semantics of fire, it is necessary to use comparative-historical method, based on reproduction and simulation of initial platforms of linguistic phenomena.

The search for the genetic (national and local (areal)) is associated with reconstruction of choice motivations

of lasting magic-ritual, mythological, cultural and ritual archetypal formulas of fire. We have to clarify how we understand the term motivation, which is used in different humanities. Motivation is interpreted in this research closely to the onomasiological understanding concerning the first inner form of language units. In terms of onomasiology the concept of motivation coincides with the concept of a principle mode of implementation of the category in which the field of *fire* lexeme semantics is associated with internal fixation in the form of the sacred, magical, religious, cultural and social content in the stereotype *fire*. Since we are dealing with a specific type of category using a single word (eng. fire, flame (s), blaze, spark, Ukr. vagon', vognysche), and verbal formulas such as phraseological units (Eng. play with fire, Ukr. zhyvyi vagon' (live fire), errant fire, fire and sword), and proverbs (Eng. add fuel to the fire / Ukr. pour (pour) fuel to the fire), our research will be grounded on I. Rodionova's understanding of the motivation, based on the semantic side of the language signs and provided as the motivational signs motif, in our case – as an archaic seme *fire*, giving birth to the enhanced integral, differential and potential semes or allomotif *fire*. This procedure involves the use of component analysis methods [9, 97]. The motif of fire (or an archaic seme 'fire') is revealed as an opposed alomotives 'living' and 'dead' fire (integrated seme) now. i.-ye. * Ker- "set up, drag" (flame), "dark", that is "the product of combustion" as the Eng. charred, but the Indo-arias. kora "new young" [12, 241]. Allomotif 'dead fire' (differential seme) is a chain of meanings that are valuable themselves, i.e., a system that does not move and does not develop, aging *comp.* Celt. * Mog- "fire" but Toch. mok "old", and. Germ. alt, OE eald "old" but old isl. eldr "fire" [12, 242].

Fire is a sign of deities – objects of a sacred sphere. The pagan Slavs associated *fire* directly with the god Perun as a heavenly god, a god of thunder and lightning. B. Voytovych adds fire to the god Perun's dual nature ("light" and "dark") [2, 364]. God Perun's name, according to the Alexander Kolesnik's observations, "comes from the personal

names: cz. Perun, Bulg. Perun, which meant simply "the one who hits." The Ukrainian Perun well correlates with lit. Perkunas, Prus. Percunis meaning "thunder." Perun also once meant "oak god", Latin. quercus "oak", Alb. perëndi "god", rus. Perun, cz. perun, pol. piorun means "thunder" sln. perunika "others", then connected with *perq, pbrati* "beat, give a blow" [op. by Ave.: 8]. God Perun is ruthless to the dark and evil forces of Chernobog and god Mary. He is "the one who makes the fire, throwing fire, shooting fire." Perun is the god who not only gives life but also punishes the man for his sins. Perun's thunder and lightning are the most terrible punishment for those who violate the oath given to gods [2, 364].

Symbolic man "top" of Perun-fire determined its punitive function (Perun – from old slov. Pbrati verb "beat, destroy" [4, Vol. 3, 456]). So the next allomotif 'to hit by fire, to hit by thunder or lightning' is found in such language units, where the word "fire" performs a penal function of "thunder": Let the thunder beat him! Let the thunder punish him!, Let the thunder kill them!, Let the heavenly thunder burn him!, which "expresses extreme displeasure, wishing somebody to be unhappy"; Thunder kill me!, Let the thunder kill me!, which means "to take an oath in telling the truth."

The origins of the punitive function of fire lie in the worldview of our ancestors: they believed that the fire was holy, so it helped to provide God's law as it was believed that the innocent wouldn't be burnt by fire, but "a hat is burning on the thief's head"[5, 105]. In English, the fire serves as a penalty motif only occasionally: *May every day of it be wet for ye* (Saint Patrick), but here we find numerous associating allomotifs of 'fire as a punitive force', particularly with colour – red as hot, hot (red nail, red stone): *A red nail on the tongue that said it. By my tongue may it get you., A red stone in your throat.* In the inner form of other linguistic units it is associated with sulphur fire as a symbol of hellish torture: *Fire and brimstone.* Against the background of the allomotif 'fire' as a punitive force in Ukrainian another allomotif is actualized – 'destructive force of fire': Ukrainian: Hay jogo pale nebesna syla z usih 4 storin –

Let (albeit, neh) [clear fire (flame)] burn him – the expression shows dissatisfaction, irritation, annoyance to anyone - May fire burn him [10, 8], May fire start burning you skin [18, 336], Let thou be burned without fire [18, 337], Let thou smoulder [18, 337]. Fire as a punitive force in the English language speakers' worldview is connected with the notion of 'hell' where the souls of sinners are fried: Eng. Hell roast him, In hell may you be because of your sins, May the devil roast him.

The next allomotif is associated with hell both in the British and the Slavic mythological space: Eng. *Ellyldan* (wandering lights that are viewed as a part of 'hellfire'). People believe that these lights are glowing only on the graves of great sinners whom God will be punishing in hell until the Doomsday. The origin of wandering lights can be explained by the presence of evil spirits on cemeteries, especially vampires who try to harm and scare people. Also they are considered as light that is lit by angels on the graves of the righteous or souls that came out of the grave with funeral candles [2, 32].

Above mentioned examples display that mythological meanings of fire, based on archetypes, have a high degree of common motifs in Ukrainian and English languages; few differences can be explained by "individual language development, different degrees of "preservation" and structuring of ancient mythological representations" [11, 352]. This comparative analysis of different variants of signs of *fire* in English and Ukrainian languages allows us to trace the general trends and patterns, as well as differences in the formation of the archetypal and sometimes stereotypical symbols of fire and clarify the role of each component of verbal formulas of fire/burning semantics in formation of their figurative and symbolic content in both languages. We understand components of verbal formulas as people's idea of favourable/unfavourable fire, which are recorded as combined in different language units associated with these concepts. For example, the English proverb *Throw the fat in the fire*, shows as the British motivate associations in fuelling passions. A Ukrainian idiom *Playing With Fire* which is motivated

in the minds of Ukrainian native speakers as very dangerous action, or action that could lead to a backfire. And those units where mythological ideas imprint the safety/fire danger, personify mythological creatures like the pagan god Perun – the god of thunder, or lightning and thunder as a punitive force (Ukrainian: Perun let you crack [18, 330]. A stable distribution (interaction) of structure components forms a kind of layers of archetypal meaning that combine culturally relevant ideas, which commensurate with the expression of *fire* semantics. Motif semantics, according to S. Neklyudova, is not only intertextual but also paradigmatic. It relies on “understanding of the tradition”, and is much broader than the manifested thing; motif belongs not only to verbal formula, but to tradition in general. Its value is not derived only from syntagmatics of the inner phrase. To understand the reasons for the choice the motif has to be related, firstly, to the picture of the world according to national culture, and, secondly, to a basic motive common to the mankind with its fundamental semantic universals [17 236]. Understanding the motivation as the means of correlation nomination leads us to onomasiological parameters of comparison. In a broad sense (by V. Manakin) onomasiological matching options are the features of similarities and differences that point to differing methods of nomination of the same objects in different languages [13, 235]. In the context of our study such objects will form (different means, i.e. linguistic units – the word – to the sentence and even phrases) expression of semantics of *fire*. Increased attention to onomasiological aspects of language units, including those filled with cultural content, can be observed in studying far related languages. Onomasiological features (if any layer of typological features is significant) are those to appear most clearly and explicitly when comparing. Mapping the motivation features of language formulas in semantics of *fire* in different languages allows seeing what is often ignored – prints of cultural relics and linguistic creativity of people, and comparing the specifics of the structure of CF linguistic creativity, as the way to enrich own language and consciousness.

The internal form, that is the basis for the nomination of lexemes and verbal formulas of semantics of *fire* as the essence directly linked to the vector of onomasiological research, serves as the means of motivation and at the same time as a link between the form of a formal entity and its ability to convey certain meaning. In this sense the internal form can be interpreted as a basis of motivation [7, 98-107]. According to O. Potebnya “the inner form is the relation between the thought content and consciousness; it shows how a man imagines his own thoughts” [18, 83]. Internal form acts as a basis for motivation as to the semantics of *fire*, combining the content and form of these specific linguistic signs, which are lexemes and verbal formulas describing the *fire*. It simultaneously establishes epistemologically relevant information (discrete elements of the original conceptual ideas) about *fire* as favourable/unfavourable to humans.

The above listed statements are convincing arguments for choosing an onomasiological motif as *tertium comparationis* in this study, as it is invariant in its multiplicity of variants of implementation – not only in a national tradition. Realization of each specific motive is always updating one aspect of its semantic volume, which is in turn formed by the motivation system. So the structure of onomasiological motif is formed by a system of vertical and horizontal relations of reasons. The vertical structure is formed by the variant motif (allomotif) systems that show different degree of isomorphism and alomorphism in compared languages. The horizontal structure is connected to the systems of motivators that combine variants of motives and their verbalization in a particular culture and language. Motivators enclose word classes connected by motivational relations to variants of motives. Motivational analysis is carried out by multilateral comparing and contrasting in onomasiological direction, including the results of semasiologic analysis. This integrated approach is based on vector research: from studies of the semantics of existing language units to mental spheres of identification of certain magic, sacred, mythological, cultural, social content, and then towards the determination of the

semantic scope motive or motivational structure (the semasiologic analysis will be its basis), then to the results of certain variants of motif verbalization by each language means considering the cultural component of the motivator selection form describing the contents of *fire*. Thus, by means of the deductive method, at the beginning the object of study becomes a system of nominative units, and the subject – a motivational model dictated by cultural factors, defining the scope and the content of motif *fire*\burning in its different forms in each language. Using the application method to reveal common and different features, we determine the meaning of the identification scope that provides the mental verbal component of verbalization.

The last step in the analysis is to determine the motivational structure of the onomasiological motif and systems of motivators that provide the shift of the mental motivation component to the verbal one in each language. Summing up shows us how one and the same motivational sign is verbalising in different languages because of the typological and genetic features. We have to underline that the principles and methods of analysis of the archetypal concept of *fire* and its basic stereotypical characteristics, reflected in English and Ukrainian linguoculture are specified by general understanding of the concept of mental (invariant-variant) formation and its diachronical nature in particular.

References:

1. Berezovych E.L. Language and Traditional Culture. Etnolynhvystycheskye Studies [Language and Traditional Culture. Ethnolinguistic Studies], Elena Lvovna Berezovych. – Moscow., Yndryk, 2007. – 600 p.
2. Valery Voytovych. Ukrainian mythology. - Kiev., Lybed, 2002 - 663 p.
3. Golubovska I.O. Ethnic peculiarities of language world., Golubovska I.A. - Kiev., Logos, 2000. - 284 p.
4. Dictionary of Ukrainian language., Ch. Ed. O. Melnychuk., 7 tons. - Kiev., Scientific Thought, 1982 -. - Vol 1: A - G - 1982. - 631 p.; T. 2: D - Koptsi - 1985. - 570 p.; T. 3: Bark - M - 1989. - 549 p.;

T. 3: H - P - 2003. - 656 p.; 5. TV: R - T., 2003. - 407 p.

5. B. Lark Signs Ukrainian ethnic culture: Dictionary Directory., Vitaly Lark. - Kiev., Trust, 2006. - 703 p.

6. Karasik VI Arhetypycheskye kontsepty in communication., Pryamaya and nepryamaya Kommunikatsii: Sat. scientific. Articles [Archetypal concepts in communication., Direct and indirect communication: scientific papers] - Saratov., Izd HosUNTs "College", 2003., P. 43.

7. Kyyak T.R. Motyvyrovannost leksycheskyh units: kolychestvennye and qualitative characteristics [Validity of lexical units: quantitative and qualitative characteristics], Taras Romanovich Kyyak. - Lviv., High School, 1988. - 161 p.

8. A. Kolesnik Linhvokulturni linhvosemiotichni features verbalization and concept myths FIRE [Linguocultural, linguo-semiological features of verbalization of the concept and myths about FIRE], O.S. Kolesnik., Language and conceptual world view [Coll. Science. pr.]. - Kiev., CUP "Kyiv University", Vol. 43., Part 2., pp. 218-226.

9. Kocherhan M.P. comparable linguistics, methods, principles, aspects

and levels of study., M.P. Kocherhan Linguistics. - 2006., No. 5., pp. 34-51.

10. Kuz GT exclamation phraseologisms Ukrainian language, ethno-linguistic and functional aspects: Author. Dis. NUS on competition. degree candidate. Philology. Sciences specials. 10.02.01 "Urayinska language", GT Kuz. - Ivano-Frankivsk., 2000. - 19 p.

11. Levchenko O. Phraseological symbols, linguistic and cultural aspects., Yelena Levchenko. - Lviv., LRI NAPA, 2005. - 352 p.

12. Comparative M. Makowski dictionary mythological symbolism in Indo-European language: Images world and worlds images., Mark M. Makowski. - Moscow., Humanyt. Izdatel'stvo center VLADOS, 1996. - 416 p.

13. Manakyn V.N. Fundamentals kontrastyvnoy lexicology: blyzko-rodstvennye and rodstvennye Languages [Fundamentals of contrastive lexicology: closely related and related languages], Vladimir Nikolayevich Manakyn. - Kiev., Kirovograd Centre. - Eng. Publishing House, 1994. - 262 p.

14. Maslov V.A. Introduction to kohnytnvnyu lnhvystyku [Introduction to cognitive linguistics], V.A. Maslov. - Moskva., Flynta, 2007. - 294 p.

15. V. Large Mokienko dictionary

Russians narodnyh sravnenyy. Large ob'yasnytel'noy dictionary [Dictionary of Russian folk comparisons. Large explanatory dictionary], V.M. Mokienko, T. Nikitin et al. - Moscow., Olma Media Group, 2008. - 799 p. <https://doi.org/10.17223/22274200/8/4>

16. Mokienko V.M. K razhranychenyyu henetycheskyh ties and typological Slavonic pohovorky [On the differentiation of genetic ties and typological Slavonic sayings], V.M. Mokienko., slavyanskye Modern Culture: Development, Interaction, The International Context. Materials mezhdunarodnoy conference of UNESCO. - Kiev., Scientific Thought, 1982., pp. 364-369

Information about authors:

1. Viktoria Ageeva - Candidate of Philology, Senior Research Associate, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolayiv city; e-mail: viktorija_ageeva@mail.ru

2. Julia Bondur - Senior Research Associate, Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy; address: Ukraine, Mykolayiv city; e-mail: bond68@mail.ru

INTERNATIONAL UNIVERSITY

OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE
ANALYTICS OF THE IASHE

- DOCTORAL DYNAMIC
SCIENTIFIC AND
ANALYTICAL PROGRAMS
- ACADEMIC SCIENTIFIC
AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED
LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM
OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL
QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC
AND ANALYTICAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS

<http://university.iashe.eu>

e-mail: university@iashe.eu

Phone: + 44 (20) 71939499

GISAP CHAMPIONSHIP AND CONFERENCES 2017

1 stage	1 stage	1 stage
ISSUES OF UPBRINGING AND TEACHING IN THE CONTEXT OF MODERN CONDITIONS OF OBJECTIVE COMPLICATION OF THE PERSON'S SOCIAL ADAPTATION PROCESSES	ROLE AND RATIO OF VERBAL AND NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION AGAINST THE BACKGROUND OF THE INCREASING VALUE OF INFORMATION AND INTENSITY OF ITS TURNOVER	MATERIAL AND SPIRITUAL FACTORS OF THE PERSONAL CREATIVITY EXPRESSION IN THE GENERAL SOCIAL PROCESS OF THE CULTURAL VALUES FORMATION
Educational sciences and Psychology	Philology	Culturology, Physical culture and Sports, Art History / History and Philosophy
18-24.01	09-15.02	09-15.02
1 stage	1 stage	1 stage
ISSUES OF FREEDOM, JUSTICE AND NECESSARY COERCION IN THE COURSE OF THE PUBLIC RELATIONS REGULATION	TRADITIONAL AND EXPERIMENTAL METHODS OF STUDYING AND OVERCOMING THE MEDICAL AND BIOLOGICAL PROBLEMS IN ENSURING THE OPTIMAL VITAL FUNCTIONS OF HUMAN BEINGS AND THE WILDLIFE	THEORETICAL AND EXPERIMENTAL ASPECTS OF REVEALING AND SOLVING THE CURRENT ISSUES OF FUNDAMENTAL SCIENCES
Economics, Jurisprudence and Management / Sociology, Political and Military Sciences	Medicine, Pharmaceuticals / Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences	Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences
21-28.02	02-10.03	02-11.04
1 stage	2 stage	2 stage
MAIN TRENDS IN DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL MECHANISMS ABLE TO SATISFY THE SOCIETY'S INDUSTRIAL AND ARCHITECTURAL ENGINEERING NEEDS	ISSUES OF FORMATION OF PROPER ASSESSMENT CRITERIA IN RELATION TO KNOWLEDGE AND BEHAVIOUR OF INDIVIDUALS AT VARIOUS STAGES OF THEIR LIVES	OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS IN FORMATION OF LINGUISTIC MECHANISMS IN THE AGE OF DOMINATION OF LIBERAL VALUES AND PRIORITY OF PERSONAL IDENTITY
Technical Science, Architecture and Construction	Educational sciences and Psychology	Philology
02-11.04	12-17.05	08-13.06
2 stage	2 stage	2 stage
CREATIVITY AS A PERSONAL SELF-EXPRESSION MECHANISM AND A WAY TO REVEAL THE LEVEL OF SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT	CORRELATION BETWEEN INDIVIDUAL AND COLLECTIVE NEEDS IN THE CONTEXT OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL PROCESSES	CHRONIC AND INFECTIOUS HUMAN DISEASES, EPIZOOTIC OUTBREAKS AND EPIPHYTOSY AS THE RESULTS OF CHANGES IN CONDITIONS OF BIOLOGICAL LIFE AND THE MAJOR DIRECTIONS OF SCIENTIFIC RESEARCH
Culturology, Physical culture and Sports, Art History / History and Philosophy	Economics, Jurisprudence and Management / Sociology, Political and Military Sciences	Medicine, Pharmaceuticals / Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences
08-13.06	20-26.06	04-10.07
2 stage	2 stage	3 stage
CURRENT RESEARCH ON MATERIAL OBJECTS AND INTERACTION OF SUBSTANCES: EXPANDING THE LIMITS OF KNOWLEDGE AND DETERMINING THE FUTURE OF MANKIND	CURRENT PROBLEMS IN THE PROCESS OF MEETING THE EXPANDING DEMAND OF THE POPULATION FOR THE MODERN HIGH TECH PRODUCTS	PROBLEMS OF INTERPERSONAL RELATIONS IN CONDITIONS OF MODERN REQUIREMENTS TO QUALITY OF EDUCATION AND THE LEVEL OF PROFESSIONAL SKILLS OF EXPERTS
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences	Technical Science, Architecture and Construction	Educational sciences and Psychology
03-09.08	03-09.08	14-19.09
3 stage	3 stage	3 stage
RATIO BETWEEN THE ROLES OF AN INDICATOR OF SOCIAL CULTURE, INSTRUMENT OF COMMUNICATION, AND MECHANISM OF PRESERVATION AND TRANSFER OF INFORMATION IN MODERN LANGUAGE SYSTEMS	PHENOMENON OF MASS CULTURE AGAINST THE BACKGROUND OF EXPANSION OF LIBERAL PREREQUISITES FOR DEVELOPMENT OF PERSONAL SELF-EXPRESSION FORMS	ORGANIC COMBINATION OF SOCIAL PARTNERSHIP AND INDIVIDUAL IDENTITY AS THE MAIN FACTOR IN ENSURING THE SELF-PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF THE SOCIETY
Philology	Culturology, Physical culture and Sports, Art History / History and Philosophy	Economics, Jurisprudence and Management / Sociology, Political and Military Sciences
10-16.10	10-16.10	24-31.10

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, Winchmore Hill, London, N21 3NA, United Kingdom
Phone: +442071939499
E-mail: office@gisap.eu
Web: <http://gisap.eu>